

КОНЕЦЪ РАВВИНА ИЗЪ РУДОГАЯ.

Романъ Л.Гданскаго.

Л. Гданскій.

Конецъ раввина изъ Рудогая

Романъ.

ИЗДАНИЕ АВТОРА
Р И Г А.

Печатано въ типографіи Д. Апта, Рига, Парковая 1-а.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Rīgā, Avotu ielā 16 dz. 22.

Часть первая

I.

— Товарищъ Мендель!

— Товарищъ Мендель, одну минуточку...

— Я къ вамъ, товарищъ Мендель... Намъ нужно...

Его обступили со всѣхъ сторонъ женщины, забрасывая просьбами, одна сложнѣе другой.

Да, да... Онъ все это знаетъ, все слышалъ уже... Этой маленькой съ птичьимъ лицомъ, одѣтой въ кожаное полупальто, нужна обстановка — двадцать комплектовъ дѣтской мебели для дѣтскаго сада. Этой пожилой дамѣ въ старенькой шляпкѣ, криво сидящей на затыл-кѣ, необходимы во что бы то ни стало столы.

— Подумайте, мы не можемъ какъ слѣдуетъ кормить дѣтей, не можемъ заниматься. Невозможно кушать и все дѣлать на окнахъ, да и оконъ не хватаетъ на всѣхъ. Подумайте, товарищъ Мендель, въ какомъ мы положеніи...

— Да, да... я все это знаю. Я распорядился, и жилищный отдѣлъ общалъ разыскать и реквизировать все, что намъ нужно... Нашъ товарищъ Звонаревъ и сейчасъ рыщетъ по району... Въ школахъ есть обстановки, но изъ школъ комиссаріатъ не позволяетъ ничего трогать, хотя школы пустуютъ сейчасъ. Что я могу сдѣлать? Потерпите...

— Мы ужъ очень долго терпимъ, — недовольно протянула женщина съ птичьимъ лицомъ. — Въ Спасскомъ районѣ все уже есть,

и налажены сады и клубы, а у насъ чудовищный безпорядокъ.

Назойливая трескотня женскихъ голосовъ осаждала слухъ. Мендель отмахнулся рукой, а на лицѣ его точно заблудилась полупечальная, полувиноватая улыбка.

Ну что на самомъ дѣлѣ, онъ Богъ что-ли, чтобы сотворить изъ ничего нужную мебель? Вотъ товарищъ Верховская хотѣла имѣть пианино для своего сада — это есть. У него въ запасѣ пять пианино и три рояля... А столовъ нѣтъ и скамеекъ нѣтъ. Нужно искать...

— А какъ будетъ съ провизіей, товарищъ Мендель? Вчера крупы выдали очень мало...

— Провизія будетъ... И потомъ это дѣло товарища Шакшинова... И что вы такъ волнуетесь? Пока кормите дѣтей, и — слава Богу! Это самое главное теперь, когда у всѣхъ недочетъ, и всѣ голодаютъ... А столы — потомъ.

И кучка женщинъ разсѣялась: пошли по другимъ комнатамъ за разными бумажками и мандатами.

Одна маленькая съ птичьимъ лицомъ осталась возлѣ товарища Менделя. У нея черные глаза съ какимъ-то холоднымъ свѣтомъ — точно лунные блики дрожатъ въ ихъ глубинѣ.

— Товарищъ Мендель, я должна на минутку задержать васъ.

У нея спокойный дѣловой тонъ, и вся внѣшность ея полна дѣловитости — можетъ быть кожаное полупальто придаетъ ей это? Мендель чувствуетъ холодокъ недовѣрія и скрытой враждебности, вѣющій отъ нея, хотя она выдержанно-спокойна — сплошная дѣловитость.

Онъ не можетъ отказать ей въ «минуточ-

кѣ», хотя и знаетъ, что минуточка эта превратится въ полчаса, и что товарищъ Тепихина будетъ говорить о разныхъ непорядкахъ и упрекать разныхъ лицъ въ недобросовѣстности. Это не доносы, а новая «революціонная честность»... Странное слово, оправдывающее любые поступки.

Борухъ-Мендель кивкомъ головы изъявилъ согласіе и вошелъ въ «кабинетъ» — пустую комнату съ голыми стѣнами, съ одинокимъ простымъ столомъ и двумя стульями.

Ему хотѣлось попросить ее быть краткой, но помѣшала странная застѣнчивость, и Борухъ-Мендель повернулъ лицо къ окну, приготовившись слушать такъ, чтобы не видѣть ея лица.

— У меня въ пріютѣ два случая заболѣванія дифтеритомъ... Вчера былъ товарищъ Звонаревъ, и я ему сказала объ этомъ, но товарищъ Звонаревъ, кажется, былъ пьянъ немного, потому что наговорилъ разныхъ глупостей... Я прошу васъ, товарищъ Мендель, дать мнѣ возможность принять мѣры...

Борухъ-Мендель чувствовалъ себя безпомощнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось сталкиваться съ медициной... Въ памяти всталъ почему-то тихій далекій Рудогай, гдѣ было тѣсно, грязно, и гдѣ никто ничего не зналъ о медицинѣ, и самыя болѣзни всѣ связывали съ Божьей волей и этой Волѣ предоставляли или возвращать здоровье больному, или отправлять его въ лучший міръ...

Да, но это не Рудогай... Нѣтъ Рудогая — онъ уничтоженъ пожаромъ войны. Всемогушій Господь поднялъ народъ израильскій, привелъ его въ великое движеніе и послалъ творить жизнь, освободивъ отъ оковъ рабства...

Да, но и это не то... Что говорить эта женщина съ птичьимъ лицомъ?

И онъ сказалъ тихо:

— Идите во врачебный отдѣлъ. Я вамъ напишу записку, отдайте ее товарищу Шмультсону...

И на обрывкѣ бумаги, валявшемся на столѣ, онъ написалъ нѣсколько словъ.

Тепихина взяла бумажку, и скрытая ироническая улыбка шевельнула ея губы.

— Благодарю васъ, товарищъ Мендель... По революціонному долгу я обязана сказать вамъ однако, что поведеніе товарища Звонарева, къ сожалѣнію, не совсѣмъ отвѣчаетъ ни его положенію, ни моменту. Являясь въ пріютъ нетрезвымъ и говоря всякія глупости, онъ развращаетъ дѣтей... Въ то время, какъ нужно ставить на высоту авторитетъ рабоче-крестьянской власти, онъ...

Борухъ-Мендель пересталъ ее слушать... Онъ терпѣливо выждалъ, когда революціонная совѣсть товарища Тепихиной сбросила мучившій ее гнетъ, и сказалъ:

— Хорошо. У меня скоро засѣданіе отдѣла, товарищъ Тепихина, потому...

Она поняла — легкая краска неудовольствія пробилась на ея матово-смуглыхъ щекахъ. Кивнувъ молча головой въ знакъ прощальнаго привѣтствія, она вышла изъ комнаты.

II.

Да, Борухъ-Мендель, рудогайскій цадикъ, былъ на другой дорогѣ. Кто бы могъ подумать три года тому назадъ, что жизнь пойдетъ

темпомъ урагана, разметывая и сокрушая всѣ устои и кидая людей изъ пучинъ ничтожества на верхи и обратно... Самого рудогайскаго ребѣ вытряхнуло изъ колеи, по которой тихо текла его жизнь между громадными старыми фоліантами, синагогой и посѣтителями, жаждавшими услышать слово совѣта, ободренія или утѣшенія изъ устъ его.

Все это было въ прошломъ и гдѣ-то въ сторонѣ. Появилась необходимость новой работы, новой дѣятельности. Тамъ, въ его старой колѣѣ, было все соразмѣрено, и на всѣ явленія находился отвѣтъ изъ глубины вѣковъ — изъ старыхъ пожелтѣвшихъ фоліантовъ, напитанныхъ мудростью далекихъ предковъ.

Но они не дали отвѣта въ тотъ часъ, когда громъ войны принесъ бурю въ безконечные просторы Россіи, и когда вдругъ все такъ странно перепуталось и пришло въ смятеніе.

Голосъ изъ глубины вѣковъ молчалъ потрясенный, и Борухъ-Мендель оказался одинокимъ въ бурѣ, вздыбившей до небесъ волны человѣческихъ страстей.

Исходъ изъ Рудогая напомнилъ было ему чѣмъ-то исходъ изъ Египта, но въ этомъ исходѣ не чувствовалось опекающей воли Господа, пронесшей когда-то сквозь пустыни народъ израильскій... Этотъ исходъ былъ паническимъ бѣгствомъ жалкаго людскаго стада, сопровождаемаго нищетой, голодомъ, болѣзнями и погруженнаго въ отчаяніе.

И съ того момента, когда рудогайскіе бѣглецы потянулись по дорогѣ, бросивъ дома и всю свою рухлядь, начались годы скитаній.

Разбрелась по разнымъ закоулкамъ паства Боруха-Менделя, и онъ самъ ѣздилъ изъ горо-

да въ городъ, одинокій, оглушенный [и опусто-
женный...

Быль тифъ, унесшій въ могилу всю его семью и пощадившій зачѣмъ-то его. Это было еще въ бѣженскомъ баракѣ въ холодной негостепріимной Вологдѣ... Сердце Боруха-Менделя, откликавшееся на всякое людское страданіе, почти не замѣтило потери семьи — было такъ много потерь вокругъ, важныхъ, потрясающихъ, что свои личные потери казались неважными.

«Богъ далъ, Богъ взялъ, да будетъ благословенно имя Его».

Вихрь революціи не могъ закружить Боруха-Менделя. Онъ встрѣтилъ его со спокойствіемъ мудреца, познавшаго глубины бытія. Но событіе это открывало новые горизонты мысли, новыя перспективы жизни. Можетъ быть, Борухъ-Мендель остался бы въ сторонѣ отъ всякихъ событій и продолжалъ бы свои скитанія — скитанія сторонняго наблюдателя, если бы не неожиданная встрѣча съ Борисомъ.

Это было уже въ Петербургѣ. Борухъ-Мендель шелъ по Невскому проспекту, всматриваясь въ толпы людей съ красными знаменами, двигавшіяся безконечной вереницей...

Ясный морозный день вылилъ потоки сверкающаго свѣта на причудливую массу, разношерстно - одѣтую и разношерстную по своему составу. Въ ней были солдаты, вернувшіеся съ фронта, были рабочіе съ женами и дѣтьми; были старики и молодые, были интеллигенты.

На знаменахъ колебались повелительные возгласы:

«Вся власть Учредительному Собранію!»

«Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!»

Борухъ-Мендель шелъ по тротуару, не сливаясь съ толпой, но въ душѣ его было торжественно и легко... Такъ же легко, какъ легко былъ воздухъ надъ домами, возносившійся въ изумительно-ясную голубую высь, и такъ же торжественно, какъ торжественно было спокойное теченіе толпы..

Онъ шелъ не съ толпой, но туда-же, куда текла она — къ дворцу роскошнаго князя Тавриды, гдѣ собрались въ этотъ день народные избранники — то самое Учредительное Собраніе, о которомъ кричали знамена...

И вдругъ его остановилъ человѣкъ въ военной шинели.

— Можеть ли это быть? Это вы, раввинъ изъ Рудогая?

Борухъ-Мендель узналъ Бориса. Съ этимъ человѣкомъ Господь сотворилъ чудо — вернулъ ему зрѣніе. Борухъ-Мендель встрѣчался съ нимъ, уже зрячимъ, въ годы бѣженства, когда еще престолъ не былъ низверженъ, но такія горячія головы, какъ Борисъ, прилагали всѣ усилія, чтобы расшатать его:

— Мы давно не видались съ вами, а за это время произошли великія событія. Но куда вы идете?

Борухъ-Мендель улыбнулся и жестомъ указаль по направленію движенія толпы...

Борисъ ухватилъ его за рукавъ.

— Не ходите туда, не надо, — сказалъ онъ, хмурия брови. — Тамъ вамъ нечего дѣлать.

Борисъ былъ все тѣмъ-же, порывистымъ и полнымъ огня. Раньше въ кипѣли горечь и ненависть, отравлявшія каждое слово, срывавшееся съ языка. Это былъ тогда боецъ, получившій много тяжелыхъ ударовъ, распалявшихъ ненависть и жажду мщенія. Теперь пе-

редь Борухъ-Менделемъ тоже былъ боецъ, но упоенный побѣдой... Въ каждомъ движеніи его сквозила увѣренность человѣка, знающаго свое мѣсто въ рядахъ борцовъ за дѣло, которому была отдана жизнь.

Не было ни ненависти, ни горечи въ словахъ, не было ихъ и на лицѣ. Побѣдитель былъ сдержанъ и суровъ — такъ много борьбы было еще впереди и рано опускать руки.

Борисъ увлекъ Менделя съ собой. Такъ какъ ничто глубокое не связывало равнина съ толпой, онъ пошелъ съ Борисомъ.

Они очутились въ какомъ-то домѣ на Мойкѣ, къ воротамъ котораго была прибита надпись, сдѣланная отъ руки и наспѣхъ — буквы прыгали по вывѣскѣ кривь и вкось: «Совѣтъ 2-го гор. района».

Безусые мальчуганы съ красными повязками на рукавахъ и винтовками въ рукахъ, окруженные накрестъ лентами патроновъ, толпились внизу въ переднихъ. Они держались со смѣшной важностью дѣтей, получившихъ серьезную, опасную игрушку, и старались подражать и голосомъ и манерами взрослыхъ старымъ солдатамъ. Это были юные пѣтушки, пытающіеся впервые запѣть по настоящему, и никто не могъ предугадать, что получится изъ ихъ пѣнія.

Отъ нихъ вѣяло какой-то печальной ироніей, странной шуткой событій, дающихъ иногда уродливыя отраженія своей сущности, точно въ кривыхъ зеркалахъ «волшебныхъ кабинетовъ» паноптикумовъ.

Во второмъ этажѣ въ комнатахъ были канцеляріи. Всего нѣсколько какихъ-то барышень въ пустыхъ комнатахъ за столами. Пара пишущихъ машинокъ сухо и разрозненно

щелкали клавиатурой подъ робкими неувѣренными пальцами машинистокъ, неумѣвшихъ еще писать на нихъ.

— Намъ нужны работники, товарищъ Мендель, — сказалъ Борисъ. — Нужны люди честные, прямые, вродѣ васъ, люди съ несокрушимой силой воли и непобѣдимой энергіей, чтобы строить и налаживать новую жизнь. Вы хотя и изъ другого міра, но вы — нашъ, этого вы не станете отрицать. Вы спрятали талесъ, отложили его въ сторону не только для того, чтобы стать наблюдателемъ. Вы должны принять участіе въ созидательной работѣ.

— Но что я могу дѣлать? Какую пользу и кому можетъ принести сейчасъ раввинъ, отбившійся отъ своего стада? Вы, Борисъ, не знаете о чемъ говорите.

— О, я прекрасно знаю. Я васъ не зову сейчасъ же въ ряды большевиковъ — вы встанете въ нихъ потомъ сами, — нѣтъ, я предлагаю вамъ работать на благо пролетаріата. Работы много и какой угодно работы... У насъ, на примѣръ, тысячи дѣтей. Ихъ нужно кормить, одѣть, надо позаботиться объ ихъ воспитаніи. Намъ нуженъ человѣкъ, который бы занялъ постъ завѣдующаго культурно-просвѣтительнымъ отдѣломъ, и я думаю, что вы можете занять его. Товарищъ Мендель, я не думаю, что вы способны отказаться...

Дѣти, голодъ, невѣжество... Все это было знакомо и близко Боруху-Менделю. Но онъ хотѣлъ подумать и взвѣсить все, прежде чѣмъ дать отвѣтъ. Борисъ однако былъ не изъ тѣхъ людей, которые допускали колебанія. У него всегда все было ясно и рѣшено, и здѣсь онъ не могъ откладывать дѣла.

— Вы должны сейчас же сказать «да», и я немедленно сведу васъ къ предсѣдателью исполкома.

Вышло какъ-то такъ, что настойчивость Бориса преодолѣла колебанія Боруха-Менделя, и онъ сказалъ «да».

И тогда все измѣнилось въ его жизнь. Онъ очутился лицомъ къ лицу съ громаднымъ дѣломъ, требовавшимъ большого напряженія и огромной работы.

Борухъ-Мендель занялся дѣтьми второго района, сталъ чѣмъ-то вродѣ комиссара.

III.

Онъ вошелъ въ жизнь органа, пытавшагося внести какой-то порядокъ въ хаосъ, царствовавшій кругомъ. Борухъ-Мендель сталъ звеномъ, которому надлежало поставить и наладить жизнь школъ, пріютовъ, воспитательныхъ учреждений въ громадномъ районѣ Петербурга.

Районъ этотъ начинался устьемъ рѣки Фонтанки, захватывалъ кварталы нищеты береговъ рѣки Пряжки и Сухарнаго острова и тянулся къ центру, расширяясь съ одной стороны до Невы, а съ другой—до Садовой улицы. Зимній дворецъ былъ въ чертѣ района.

Сначала надо было собирать дѣтей, бродившихъ по улицамъ безъ всякаго дѣла. Для этого оказались годными организаціи старыхъ дѣтскихъ садовъ. Фребелички и лесгафтички, оказавшіяся не у дѣлъ, благодаря революціи, откликнулись на призывъ, и снова началась

жизнь въ дѣтскихъ садахъ. Для старшихъ дѣтей открыли клубы.

Плохо было съ занятіями. Всѣ силы были устремлены въ сторону кормленія дѣтей, такъ какъ голодъ подтачивалъ жителей невской столицы. Забота о 2 000 дѣтей лежала на плечахъ Менделя и, несмотря на громадную тяжесть, казалась легкой и пріятной...

Подъ клубы и пріюты занимались лучшіе особняки района, покинутые бѣжавшими магнатами. Для перваго клуба Борухъ-Мендель облюбовалъ небольшой особнякъ на Алексѣевской улицѣ. Домъ этотъ принадлежалъ богатѣйшему купцу-лѣсопромышленнику и оказался въ прекрасномъ состояніи. Онъ былъ маловатъ для сотни дѣтей, но обладалъ небольшою оранжереей и зимнимъ садомъ, въ которомъ были представлены рѣдкіе экземпляры тропическихъ растеній. Это главнымъ образомъ повліяло на выборъ Боруха-Менделя: садъ и оранжерея могли оказаться прекраснымъ матеріаломъ для занятій съ дѣтьми.

Второй клубъ нашелъ мѣсто въ Зимнемъ дворцѣ. Часть квартиры какой-то фрейлины вмѣстила со всѣми удобствами около 200 дѣтей.

Дворецъ князя Долгорукова на Мойкѣ былъ предназначенъ Менделемъ для устройства обширнаго дома пролетарскихъ дѣтей. По задачамъ домъ долженъ былъ превзойти все, что дѣлалось до сихъ поръ для дѣтей.

Рядомъ былъ дворецъ Алексѣя Александровича, приведенный въ негодное состояніе, благодаря порчѣ центральнаго отопленія. Борухъ-Мендель рассчитывалъ однако, что современемъ удастся исправить его, и тогда дѣтскій домъ превратится въ дѣтскій дворецъ, сливъ

въ одно цѣлое владѣніе Долгоруковыхъ и дворецъ великаго князя Алексѣя.

Это была пора лихорадочной созидательной работы, работы мечтателя, задававшегося цѣлью осчастливить несчастный уличный дѣтскій сбродъ...

Что хотѣлъ дать имъ Мендель въ этихъ дворцахъ?

О, очень много... Цѣлую сказку, воплощенную въ жизнь!

Онъ былъ далекъ отъ политики. Программа партіи, захватившей насильно власть, рисовалась ему благословенными картинками райскаго благополучія на землѣ — золотымъ вѣнкомъ, о которомъ мечтало человѣчество. А самъ онъ чувствовалъ себя маленькимъ винтикомъ, въ сложномъ аппаратѣ, которому надлежало подготовить людей къ этому будущему.

И дѣтскіе дворцы — шагъ къ воспитанію этихъ будущихъ людей, и они должны быть обставлены соотвѣтствующимъ образомъ.

Какъ? Бороухъ-Мендель смутно сознавалъ это. Воображеніе мечтателя рисовало яркія и почти неосуществимыя детали, но въ цѣломъ это былъ сумбуръ, огненный, красивый, многоцвѣтный, но все-таки сумбуръ...

Ему чудился громадный, необъятныхъ размѣровъ, этотъ дѣтскій дворецъ въ зелени прекраснаго парка (можно было, напримѣръ, превратить въ такой паркъ Каменный и Елагинъ острова вмѣстѣ, а въ центрѣ создать самый дворецъ).

Рано утромъ гудящіе неуклюжіе автобусы привозятъ сюда дѣтей со всѣхъ концовъ города.

Чистыя, легко и изящно одѣтыя дѣти веселой гурьбой наполняютъ дворецъ. А здѣсь

ихъ ждутъ опытные мудрые воспитатели и руководители.

И во дворцѣ есть все, что могло бы только заинтересовать ребенка, разбудить въ немъ жажду познанія и толкнуть душу къ движенію впередъ — къ познанію красоты, истины и вѣта.

Все красивое, все изящное должно окружать дѣтей. Сытые, одѣтые, незнающія что такое нужда, эти дѣти создадутъ поколѣніе свободныхъ, гордыхъ духомъ людей, которые завоюютъ міръ и приведутъ его къ истинѣ.

Объ этомъ мечталъ Борухъ-Мендель nochami въ своей маленькой комнаткѣ въ зданіи того же совѣта, гдѣ онъ работалъ. Въ комнатѣ были диванъ, служившій постелью, столъ и вѣсколько стульевъ да цѣлая гора книгъ.

Но это не были древніе фоліанты. Тутъ былъ случайный наборъ литературы, поражающій своимъ разнообразіемъ. Изящная литература всѣхъ народовъ, русскіе классики, книги по исторіи, философіи, религіи, научные труды и сочиненія по прикладнымъ знаніямъ. Во всемъ этомъ жадно и безпокойно рылась мысль Боруха-Менделя, открывая ему новые міры, новые горизонты, дѣлая его то безумно счастливымъ, то ввергая въ бездны отчаянія. Съ лихорадочной торопливостью впитывала душа Менделя весь этотъ матеріалъ, спѣша догнать и поймать время и выйти на общую дорогу съ вѣкомъ.

Книги эти заполняли все время Боруха-Менделя, и въ мечтахъ о дѣтскихъ дворцахъ онъ давалъ новые и неожиданные толчки.

Но мечты — мечтами.

Дѣйствительность предъявляла уродливые

счета, и день разрушалъ грандіозные воздушные замки ночи.

Приходили женщины изъ садовъ и клубовъ и требовали — столовъ, стульевъ, скамей, продуктовъ питанія... Эти фребелички и лесгафтички были далеки отъ мечтаній о дворцахъ для дѣтей и жили самымъ насущнымъ. Онѣ требовали пополненій для дѣтскаго котла съ похвальной настойчивостью, но только потому, что сами кормились возлѣ этого котла...

Онѣ непонимали Боруха-Менделя, когда онѣ говорилъ о своихъ планахъ, и почти открыто высмѣивали его доклады въ отдѣлѣ. А Борухъ-Мендель, хотя и понималъ ихъ, но съ горечью думалъ, что эти женщины и мужчины совсѣмъ не пригодны для роли воспитателей въ его дѣтскихъ дворцахъ.

IV.

Каждый день приносилъ много суеты и хлопотъ, иногда совершенно безплодныхъ и ненужныхъ.

Въ это утро первымъ пришелъ въ кабинетъ къ Боруху-Менделю завѣдывающій производствомъ дѣтскихъ клубовъ и садовъ.

Товарищъ Шакшиновъ служилъ до революціи половымъ въ какомъ-то трактирѣ. Это былъ молодой, очень разбитной ярославецъ съ плутоватыми глазами, бѣлокурый и съ постояннымъ густымъ румянцемъ на упругомъ крѣпкомъ здоровомъ лицѣ. Онѣ напоминалъ собою образецъ искусства игрушечниковъ-кустарей, дѣлающихъ такія куклы — молодцовъ, о которыхъ говорятъ: «кровь съ молокомъ».

Шакшиновъ былъ плутъ. О немъ товарищъ Тешихина доносила, что онъ часть дѣтскихъ продуктовъ прибираетъ къ рукамъ и торгуетъ ими. Правда, установить этого не удавалось, и при провѣркахъ на складѣ у Шакшинова всегда все было въ порядкѣ. Борухъ-Мендель душой чувствовалъ, что женщина съ птичьимъ лицомъ права, но ничего не могъ подѣлать. Шакшиновъ былъ незамѣнимъ на своемъ посту и умѣлъ добывать продукты, необходимые для дѣтей, точно по щучьему велѣнію.

Сейчасъ Шакшиновъ принесъ на подпись ордера, по которымъ нужно было получить партію продуктовъ. Румянцы на его щекахъ были багровыми, глаза припухли, а изо рта доносился запахъ какого-то ужаснаго спиртного перегара, тщетно маскируемаго леденцомъ, который Шакшиновъ держалъ за щекой и время отъ времени посасывалъ.

— Такъ что, товарищъ Мендель, намъ нужно получить крупу, сахаръ и консервы... Вотъ ордера — извольте подписать.

Борухъ-Мендель взялъ ордера и внимательно прочелъ ихъ содержаніе. Но о пудахъ и фунтахъ, представленныхъ въ бумагахъ, онъ не имѣлъ никакого представленія. Сколько ихъ должно быть и на какомъ основаніи было исчислено именно это количество, а не другое?

Каждый разъ онъ задавалъ этотъ вопросъ Шакшипову, и каждый разъ Шакшиновъ обстоятельно приводилъ въ подтвержденіе цифръ сложную систему выдачъ по дѣтскимъ карточкамъ продуктовъ: четверть того-то и того-то, а четверть сала замѣняется сейчасъ осьмушкой сахарнаго песку, а сало можно бу-

детъ получить послѣ 20-го на крупный купонъ... Такъ что выходитъ всего восемьсотъ двадцать два талона—вотъ ровно это количество...

Борухъ-Мендель былъ совершенно безпомощенъ передъ этой системой и подписывалъ ордера на продукты и на кассу за соотвѣтствовавшими полотнищами керенокъ, всецѣло довѣряя соображеніямъ Шакшинова.

Подписалъ и сейчасъ...

Шакшиновъ сложилъ бумагу въ объемистый бумажникъ, и плутоватая улыбка проткрыла рядъ бѣлыхъ точно молоко, хищныхъ зубовъ.

— А еще, товарищ Мендель, мнѣ нужно троихъ буржуевъ въ нарядъ... Да товарищ Костинъ проситъ прислать ему двухъ буржуевъ и одну буржуйку для уборки въ домѣ пролетарскихъ дѣтей. Напишите требованіе въ трудовой отдѣлъ.

Борухъ-Мендель ощутилъ непріятное въ душѣ, точно кто-то влилъ въ нее каплю горечи.

— Хорошо, напишу, идите, — сказалъ онъ какимъ-то не своимъ, потухшимъ голосомъ. — Когда вамъ они нужны?

— Да сегодня еще, къ обѣду.

Борухъ-Мендель взялъ листокъ бумага оборотная сторона какой-то прокламаціи — и все съ тѣмъ же осадкомъ горечи въ душѣ написалъ требованіе въ трудовой отдѣлъ.

Это было похоже на то, какъ рабовладельцы раньше распоряжались рабами.

Только тамъ рабовъ покупали и продавали, а здѣсь силкомъ сгоняли жалкихъ, дрожащихъ людей, именуемыхъ почему-то «буржуя-

ми», и назначали ихъ на грязныя и унижительныя работы.

«Буржуйскаго» въ этихъ людяхъ ничего не было — можетъ быть, только ихъ званіе или профессія, въ прошломъ причислявшія ихъ къ привилегированнымъ кругамъ общества. Теперь это были несчастные, выбитые изъ колен, плохо одѣтые и всегда голодные...

И когда Борухъ Мендель видѣлъ этихъ новѣйшихъ рабовъ торжествующаго пролетаріата, сердце его сжималось отъ боли, а мозгъ преслѣдовала мысль о вопіющей несправедливости.

Эти люди, привыкшіе къ иному труду, очень плохо справлялись съ черной работой. Среди нихъ попадались музыканты, артисты, жены и дочери ученыхъ, писателей и художниковъ... И пролетаріатъ, торжествовавшій побѣду, посылалъ музыкантовъ переносить тяжести и чистить конюшни, артистовъ — скалывать ледъ на мостовыхъ, а женъ и дочерей извѣстныхъ, доселѣ уважаемыхъ лицъ, — отпиралъ мыть полы въ казармахъ и убирать солдатскіе ретрады.

Это ложилось позорнымъ клеймомъ на торжество освободившихся рабовъ, и Борухъ Мендель ощущалъ клеймо позора на себѣ всякій разъ, когда выписывалъ ордеръ на людей. Было стыдно и за себя и за красивую программу, о которой кричала и которую проповѣдывала партія, захватившая власть...

V.

Въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ помѣщались

подотдѣлы. громкій голосъ сыпалъ градъ протеста:

— Да вѣдь тамъ засѣли буржуи и съ нами не сговориться! Весь бы этотъ комиссаріатъ взорвать на воздухъ... Зачѣмъ намъ комиссаріатъ? Только портятъ дѣло, право слово! Ну, въ самомъ дѣлѣ, на что это нужно всякія смѣты разводить? Есть у насъ время бумагу портить? Прошла эта чиновничья цора, когда ворохами черезъ почту всякіе казенные пакеты шли, точно пи-на-есть что важное, а посмотришь — такъ плюнешь... Ей-ей... Я, какъ коммунистъ, правильно говорю: сдѣлано, товарищъ, то-то и то-то и все, а смѣты не по нашей части... Имъ бюрократизмъ этотъ самый нужно, а намъ работу подавай! Небось дѣтей-то они не кормятъ своими смѣтами да бумагами... А у насъ 2000 дѣтей сыты, слава Богу!

Борухъ-Мендель улыбнулся: это товарищъ Звонаревъ, его прямой помощникъ, по обыкновенію, громилъ комиссаріатъ просвѣщенія... Какъ-же, товарищъ Звонаревъ былъ полуграмотенъ и могъ разбираться только въ адресахъ на письмахъ, которыя разносилъ недавно, служа почталіономъ при почтамтѣ. Ему было не до составленія смѣтъ, и противъ комиссаріата онъ выкидывалъ всегда арсеналь лозунговъ, почерпнутый изъ летучекъ и говорившій противъ бюрократизма и тому подобныхъ страшныхъ для пролетаріата вещей.

Товарищъ Звонаревъ тоже былъ плохимъ помощникомъ по созданію дѣтскихъ дворцовъ — въ нихъ онъ рѣшительно ничего не понималъ. Но зато онъ могъ разыскивать скамьи, столы или матеріалъ для ихъ изготовленія, и въ этомъ была польза дѣлу.

Видъ у товарища Звонарева былъ крайне

воинственный: ни днемъ, ни ночью онъ не раз-
ставался съ громаднымъ наганомъ, висѣвшимъ
въ кобурѣ у пояса. Говорить онъ могъ очень
много и очень безтолково. А въ дѣтскихъ до-
махъ ухаживалъ за руководительницами и
пользовался большимъ успѣхомъ: онъ былъ
очень смугль съ черными глазами и
чертами лица, совершенно несоотвѣтствовав-
шими неинтеллигентной, грубой натурѣ.

Онъ ворвался въ кабинетъ Боруха-Менде-
ля, съ шумомъ хлопнувъ дверью, и сразу на-
полнилъ всю комнату возбужденными жалоба-
ми на комиссаріатъ и его бюрократическія за-
машки.

Борухъ-Мендель слушалъ его, стараясь
уловить суть требованій комиссаріата. Онъ
послалъ Звонарева для того, чтобы наладить
связь съ центромъ, и теперь жалѣлъ объ
этомъ: товарищъ Звонаревъ ничего толкомъ не
повялъ изъ того, что говорили ему, и переда-
валъ лишь свои впечатлѣнія, совершенно без-
полезныя и ненужныя.

— Какія же смѣты имъ нужны, товарищъ
Звонаревъ? — терпѣливо осведомился Борухъ-
Мендель.

— А ну ихъ! Это для того только, чтобы
волюнку разводить... Надо же имъ показать,
что и они дѣло дѣлаютъ... Разогнать бы ихъ,
по нашему — штыками..

— Нѣтъ, это не то, товарищъ Звонаревъ, и
не нужно горячиться. Чего требуютъ отъ насъ
въ комиссаріатѣ? Не забывайте, что мы —
только маленькая ячейка въ общемъ сотѣ и
должны опираться на что-то... Комиссаріатъ —
наша опора. Они, очевидно, хотятъ зарабо-
тать бюджетъ въ общегосударственномъ мас-
штабѣ, и имъ нужно знать, сколько будутъ

стоитъ наши учрежденія. Значить, мы должны выработать смѣты, и вамъ придется заняться ими...

У Звонарева была одна черта, дѣлавшая его пригоднымъ ко всякой эпохѣ и всякимъ положеніямъ — немедленно примиряться съ тѣмъ, что очутилось передъ нимъ, и соглашаться со всѣмъ, что выше его пониманія. Дѣлалъ онъ это такъ просто и непосредственно, что ни одинъ наблюдатель не могъ бы заподозрить его въ какой бы то ни было принужденности.

— Ну, ладно, — выпуча черные глаза и округляя ротъ, отвѣтилъ онъ. — Мы имъ сдѣлаемъ смѣту... Они ахнутъ даже...

По правдѣ сказать, слово «смѣта» для товарища Звонарева была понятіемъ очень туманнымъ и растяжимымъ, чѣмъ-то среднимъ между сообразительностью ловкаго человѣка, именуемой «сметкой», и какой-то тяжелой повинностью, вродѣ исповѣди. Но человѣкъ, призванный къ созиданію рабоче-крестьянскаго государства, самъ коммунистъ къ тому же (правда, коммунистъ всего лишь два мѣсяца), не долженъ задумываться надъ такими пустяками.

— Хорошо, товарищъ Мендель, мы пмъ устроимъ такую смѣту, что будутъ довольны! Ого-го!

Безцвѣтная дѣвица-машинистка съ волосами цвѣта мочалки, извѣстная въ отдѣлѣ почти безплодными попытками овладѣть секретомъ «ундервуда» и азами коммунизма, дающими право изъ «сочувствующей» стать «партиейной», вошла въ кабинетъ и доложила, что товарища Менделя просятъ къ телефону.

Борухъ-Мендель пошелъ къ телефонной будкѣ. Она была одна на весь этажъ — въ коридорѣ.

Возлѣ дверей отдѣла столпилось нѣсколько человѣкъ, хмурыхъ, плохо одѣтыхъ, исхудалыхъ и съ землистыми лицами. Въ ихъ глазахъ сквозила злоба, плохо-прикрытая подчиненіемъ силѣ... Борухъ-Мендель зналъ, кто эти люди, и ему стыдно было смотрѣть на нихъ. Онъ опустилъ глаза, какъ это дѣлалъ когда-то, когда былъ раввиномъ, при столкновении съ женщиной. Но тогда женщина была предметомъ недостойнымъ вниманія, и онъ не замѣчалъ ея... А этимъ людямъ было неловко посмотрѣть въ глаза... Стыдно. Кровь бросалась въ голову, порываясь окрасить щеки яркимъ румянцемъ...

Это были «буржуи» — рабы новой власти, рабочія руки новаго правительства, создаваемаго мужицко-рабочее государство.

И Мендель хотѣлъ проскользнуть мимо нихъ незамѣтно. Съежиться до размѣровъ пылинки и шмыгнуть невидимкой.

Нахмутивъ брови, съ озабоченнымъ выраженіемъ лица, какъ человѣкъ, занятый и дорожащій каждой секундой, онъ миновалъ эту группу...

VI.

— Али!

Возгласъ настигъ его сзади и показался голосомъ изъ иного міра, похороненнаго и тлѣвшаго на кладбищѣ смутныхъ воспоминаній...

— Али! Это вѣдь ты, Али?!

Шумъ шаговъ—торопливый стукъ каблучковъ, и сильныя мягкія руки опустились на плечи, потянули къ себѣ... Передъ нимъ встало лицо, то самое лицо, что владѣло его мыслями, и ожила женщина — та женщина, что была дороже жизни, дороже счастья...

— Али, мой Али! Конечно, это ты? Развѣ ты не узналъ меня?

И радостью и страстными нѣжными потками звучалъ этотъ голосъ, разрушая громадную и сложную стѣну времени и событій... Точно вчера былъ вечеръ, когда эти руки опустились на его плечи съ прощальнымъ привѣтствіемъ. Борухъ-Мендель отшатнулся, какъ отъ призрака, а руки, наоборотъ, потянулись къ этому призраку и крѣпко сжали его плечи.

— Настя... Настенька...

Той же нѣжностью, той же горечью и, жадной счастья прозвучалъ его голосъ—робкій и тихій — и замеръ въ полувопросѣ...

— Настенька...

Смѣющееся безусое лицо красногвардейца — наглое лицо мальчишки, знающаго отношенія половъ по скабрёзнымъ анекдотамъ, вдругъ попало въ поле зрѣнія Боруха-Менделя и вернуло его къ дѣйствительности.

Такъ нелзя... Это же совѣтъ, и онъ долженъ говорить по телефону... Опять-таки дѣтскіе сады, дворцы... Почему же вдругъ Настя?

И на его лицѣ проскользнули самыя разнородныя выраженія, а глаза женщины, знакомые до послѣдней искорки, жадно ловили эти выраженія, точно смывали ихъ...

— Ахъ, Али, какъ я рада видѣть тебя! Али, мой дорогой, скажи, что это не сонъ, и что это ты... Впрочемъ, ты назвалъ меня

Настенькой, и этого довольно... Что ты дѣлаешь здѣсь? А ты знаешь, что я попала въ буржуйки? Ахъ...

Опять бѣлобрысая барышня подошла и напомнила, что у телефона ждетъ товарищъ Израилевичъ... Предсѣдатель исполкома...

Борухъ-Мендель оторвался отъ Насти и пошелъ къ телефону, медленно и сгорбившись: міръ похороненный выслалъ къ нему воплощенныхъ призраковъ, и это было тяжело... Тяжело и радостно... Вдругъ показалось, что все окружающее — ненужный сонъ, а жизнь и дѣйствительность — то, что было въ Москвѣ, когда текли дни радости и счастья, когда горѣла душа въ сказкѣ любви.

А Настя смотрѣла ему вслѣдъ долгимъ пристальнымъ взглядомъ, и во взглядѣ этомъ странно боролись радость съ недовѣріемъ, счастье встрѣчи съ боязнью, что все это снится наяву.

Красногвардеецъ фамиллярно взялъ ее подъ локоть.

— Ну, буржуйка, не наостри лыжи чего добраго...

Дикій огонь вспыхнулъ въ глазахъ Насти. Она гнѣвно и презрительно оттолкнула мальчугана.

— Ну, ты еще не доросъ, чтобы держаться за бабъ, — крикнула она. — Молоко оботри на губахъ... Напелся тоже...

Неукротимый нравъ кокотки такъ и забурился въ ней, закипѣлъ и забился въ груди...

— Того... потише, буржуйка, — опѣшилъ красногвардеецъ и отодвинулся. — Вонъ заставить полы мыть, такъ узнаешь.

— Ого! Полы мыть — не тебя, щенка, родить... Кто былъ тутъ сейчасъ? сказывай!

На мальчишку огорашивающе подѣйствовали и тонъ и манеры Насти. Точно власть почувствовалъ надъ собой разнузданный молодой кососъ.

— Кто? Извѣстно — комиссаръ тутешній, — отвѣтилъ онъ и добавилъ полуробко, больше для сохраненія авторитета: — какъ вы, гражданка, взяты на работы, то и не разбѣгайтесь отъ кучи... За васъ отвѣчать мнѣ что-ли?

— Заговорилъ по иному, — злорадно засмѣялась Настя. — А кто взять на работы, кто нѣтъ — еще посмотримъ...

Борухъ Мендель показался снова въ коридорѣ, и она кинулась къ нему навстрѣчу.

— Такъ ты — комиссаръ, Али? Вотъ это хорошо. А то меня взяли на какія-то работы, Али? Подумай, твою Настеньку забрали, какъ послѣднюю буржуйку... Ну гдѣ же твоя комната? кабинетъ? Проводи меня къ себѣ, поговоримъ...

Она крѣпко подхватила подъ руку Борухъ-Менделя и повлекла его въ отдѣлъ, въ тѣ двери, откуда онъ вышелъ, увѣренно и свободно, точно всю жизнь ходила съ нимъ по этимъ комнатамъ. А онъ шелъ въ какомъ-то странномъ состояніи, точно лунатикъ, ничего не видя и не соображая.

VII.

— Навѣрное здѣсь? Да?

Настя ткнула рукой по направленію къ дверямъ кабинета Боруха-Менделя — единственнымъ дверямъ въ комнатѣ отдѣла, и почти протащила за собой комиссара. Передъ Борухомъ-

Менделемъ промелькнули, какъ во снѣ, изумленные лица машинистки, Звонарева и опять откуда-то появившагося Шакшинова...

То, что видѣли эти люди, было такъ необычно, такъ не вязалось съ особой ихъ начальника — тихаго, кроткаго, застѣнчиваго съ дамами, что даже Шакшиновъ, человѣкъ искушенный во многомъ, вытаращилъ глаза и остолбенѣлъ, и когда странная пара скрылась въ кабинетъ, выдохнуль, потирая лобъ:

— Ну и баба! Откуда она взялась?

— Буржуйка, на работы пригнали. А, должно быть, старая знакомая нашего, — высказалъ соображеніе Звонаревъ...

— Бабецъ, что надо! Шикарная, чортъ возьми! А только гдѣ нашему тихонѣ было подцѣпить такую буржуйку... Вѣдь она изъ пѣвицъ, не иначе... Видали мы такихъ-то въ кафе-шантанахъ... А, товарищъ Панкина?

Бѣлобрысая машинистка, къ которой относился вопросъ, передернула плечами, изобразивъ этимъ движеніемъ полное презрѣніе къ вещамъ изъ буржуазнаго міра и въ томъ числѣ къ Шакшинову, и уткнулась въ свой ундервудъ. Въ азахъ коммунизма ничего не говорилось о пѣвицахъ изъ кафе-шантановъ и не была предусмотрена возможность ихъ появленія на горизонтѣ совѣта, и потому товарищъ Панкина не желала имѣть на этотъ счетъ какого либо мнѣнія. Что же касалось любовнаго опыта, то онъ отсутствовалъ у товарища Панкиной по причинѣ отъ нея независимой и скрывавшейся въ полномъ отсутствіи интереса къ ней со стороны мужского пола.

Только въ кабинетъ Борухъ-Мендель оправился и пришелъ въ себя. Нѣтъ, это не было сномъ, и не призракъ стоялъ передъ нимъ,

улыбаясь доброй нѣжной улыбкой и струя неподдѣльную радость изъ бездны черныхъ глазъ, той знакомой бездны, изъ которой такъ маниль и пьянилъ огненный грѣхъ.

Это была живая Настя, та самая, вѣсточка отъ которой такъ долго и такъ тщетно ждалъ Борухъ-Мендель въ Рудогаѣ... Это была та самая Настя, предательница, приведшая полицію на квартиру Давида Марковича въ далекой Москвѣ... Это была та самая Настя, подарившая ему лучшее, что можетъ быть на свѣтѣ — счастье, радость любви и жизни... Да, это она...

И Борухъ-Мендель не могъ оторвать глазъ отъ ея радостнаго, улыбающагося лица. Оно совершенно не измѣнилось — было такимъ же красивымъ, такимъ же молодымъ и свѣжимъ, хоть прошло уже два года со дня ихъ разлуки... Оно было такое же, какъ тогда, когда онъ вернулся къ Настѣ послѣ попытки бѣжать отъ нея — такое же счастливое, улыбающееся и манящее.

И сейчасъ оно медленно-медленно приблизилось къ нему вплотную, такъ что жаръ дыханія обдалъ его лицо, а красныя полныя губы впались въ его ротъ сладкимъ мучительнымъ поцѣлуемъ...

— Ты радъ, Али? Скажи, ты радъ?

Онъ былъ радъ. Онъ не могъ словами передать тѣхъ сложныхъ чувствъ, что обуревали его въ этотъ моментъ, и отвѣтилъ свѣтлой улыбкой и нѣжнымъ движеніемъ привлечь ее къ себѣ. Прошлое воскресло и снова взяло его въ плѣнъ. Онъ это почувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, но не хотѣлъ сопротивляться: прошлое было ярко и прекрасно.

— Да, я радъ... Я ждалъ тебя, Настенька.

Она изумилась, не понявъ его.

— Ждалъ меня? Развѣ ты зналъ, что я въ Питерѣ?

Борухъ-Мендель грустно покачалъ головой.

— Нѣтъ... Ждалъ тогда... Въ Рудогаѣ...

Она словно смутилась немного. Чуть покраснѣла и отвела глаза въ сторону.

— Ахъ, Али, тогда... Миленькій Али, тогда было много пехорошаго, и я поступила очень скверно... Но тебя я всегда любила и люблю, Али, только тебя... Понимаешь ты это?

О, да, онъ понимаетъ это, его душа чувствовала правду въ ея словахъ и любовь въ ея сердцѣ. Иначе прошлое такъ легко не овладѣло бы имъ. Да, онъ зналъ, что многогрѣшное сердце Насти принадлежитъ ему, и разъ она явилась — все забыто, все прощено, точно блудной дочери — любимой и желанной.

— Да, да, Настенька... Да...

— Видишь, Али, много было со мной всякаго — и добра и лиха, всего не перескажешь сразу, дорогой... А тогда былъ черниговецъ, ахъ, мерзавецъ какой оказался! Помнишь его? Помнишь, все онъ обѣщалъ мнѣ и деньгами сорилъ, точно пылью, а потомъ, когда я уѣхала къ нему въ имѣніе, онъ показалъ себя... Ахъ, подлый... Онъ меня въ одной рубашкѣ выбросилъ изъ дома ночью, понимаешь?

Борухъ-Мендель сидѣлъ на стулѣ, а она опустилась возлѣ ногъ его въ позѣ вѣрной рабыни и говорила. Тонкіе пальцы его нѣжно путались въ ея прическѣ подъ пуховымъ кокетливымъ платочкомъ, накинутомъ на голову вмѣсто шляпки, и пальцы эти дрожали, точно струны, передававшія музыку души.

— Я цѣлую версту бѣжала къ знакомому

ротмистру на хуторъ — тамъ стоялъ эскадронъ гусаръ — подъ дождемъ, босая и въ сорочкѣ... Подумай, какой мерзавецъ...

И воспоминаніе пережитой непріятности пробуждало въ ней ненависть. Страстная натура ея не умѣла прощать и быть безразличной.

— Ну, а ты, Али какъ? Что ты дѣлалъ? Гдѣ твоя семья? Жена? дѣти?

— Умерли, — уронилъ онъ тихо, точно деревянно...

— Умерли? Ахъ, ты бѣдный...

Но потокъ сочувствія оборвался на ея устахъ... Борухъ-Мендель былъ равнодушенъ къ гибели семьи — это ясно читалось на его лицѣ, и Настя рѣшила замолчать — не стоитъ растравлять душу человѣка! И быстро, съ женской ловкостью она перевела бѣгъ мысли въ другое направленіе.

— Ахъ, Али, когда я увидала тебя, я думала, что это не ты, а кто-то, очень похожій на тебя. Я испугалась даже — такъ страшно было бы ошибиться. Но потомъ я узнала тебя совсѣмъ и кинулась за тобой... На меня смотрѣли, какъ на сумасшедшую...

Въ дверь постучали... Настя вспорхнула съ пола и отошла немного въ сторону. Въ дверь просунулось лицо Звонарева.

— Товарищъ Мендель, тамъ красногвардеецъ просить записку о принятіи отъ него гражданки буржуйки... Остальныхъ пужно вести на работы.

Борухъ-Мендель вздрогнулъ, кивнулъ быстрый взглядъ на Настю и покраснѣлъ вдругъ. Стало не по себѣ, точно его поймали на мѣстѣ преступленія.

— Сейчасъ... Я самъ...

И не зная еще, какъ выйти изъ глупаго

положенія, Борухъ-Мендель выбѣжалъ изъ комнаты вслѣдъ за Звонаревымъ.

— Что же такое, — смущаясь заговорилъ онъ. — Какую записку нужно?

— А я напишу, товарищъ Мендель, а вы подпишите. Вотъ.

Звонаревъ взялъ перо и набросалъ нѣсколько безграмотныхъ неуклюжихъ словъ: «гражданка буржуйка оставлена на работѣ при отдѣлѣ».

Краска гуще залила щеки Менделя, когда онъ подписывалъ эту бумажку. Онъ совершалъ сейчасъ проступокъ противъ гражданскаго долга, онъ сознавалъ это, и ему было невыносимо стыдно, но иначе онъ поступить не могъ...

— А вѣдь товарищу Костину нужна была... она... — съ трудомъ, точно извиняясь, вымолвилъ онъ.

— Плевать! если очень нужно, можетъ и его жена помочь — невелика барыня!

И точно разрѣшивъ этимъ всѣ сомнѣнія, товарищъ Звонаревъ выбѣжалъ изъ комнаты, размахивая бумажкой — высушивая свѣжія чернила.

Борухъ-Мендель вернулся въ кабинетъ, точно скинутый вдругъ съ облаковъ. Появленіе Насти уже внесло беспорядокъ въ ходъ жизни аппарата, которому служилъ онъ. Прямая и честная натура Боруха-Менделя не находила существенной разницы между маленькимъ и большимъ зломъ и неспособна была находить оправданія для себя... И онъ понялъ и четко почувствовалъ въ этотъ моментъ, что ожившее прошлое выбьетъ его изъ колеи на-

стоящаго и бросить на край бездны, а можетъ быть и въ самую бездну...

VIII.

Первый восторгъ встрѣчи откипѣлъ въ душѣ Насти. Она окинула взглядомъ комнату-кабинетъ, и во взглядѣ этомъ было и неудовольствіе и словно разочарованіе. Борухъ-Мендель сидѣлъ возлѣ стола и съ тихой мечтательной улыбкой слѣдилъ за ней.

— Ты — комиссаръ и у тебя нѣтъ болѣе приличной комнаты? Это такъ похоже на тебя, милый Али... Но этого не должно быть... Знаешь, мой любимый...

Она подошла и мягкимъ ласковымъ движеніемъ кошки опустилась къ нему на колѣни. Борухъ-Мендель не протестовалъ. Сквозь мѣховую шубку проступало тепло ея тѣла, и ощущать его было пріятно. Онъ бережно охватилъ ея станъ рукой...

— Вотъ ты и вернулась ко мнѣ, Настенька, — заговорилъ онъ съ бархатомъ пензмѣримой вѣжности въ голосѣ. — Вотъ ты и пришла. Этого хотѣлъ, значитъ, Богъ...

— И уже не уйду, Али, мой дорогой, никогда не уйду... Ты лучше всѣхъ, ты милѣе всѣхъ для меня... А ты гдѣ живешь?

— Въ этомъ же домѣ, Настенька...

Ему доставляло томное удовольствіе проносить ея имя, и онъ повторялъ его, прибавляя почти къ каждой фразѣ, къ каждому слову. Звукъ этого имени точно воскрешалъ прошлое, будилъ чувства въ груди, зажигая и пѣня ихъ...

— Ну вотъ, вѣроятно одна комната, вроде этой? — недовольно протянула она.

— А зачѣмъ мнѣ больше, Настенька? А намъ съ тобой развѣ нужно больше?

Онъ крѣпче привжалъ ее къ себѣ, и дыханіе его, подъ напоромъ чувствъ, стаповилось чаще и напряженнѣе.

— Ну, да... Ты такой ужъ есть, миленькій Али, но хорошо, что припла я... Мы все устроимъ по иному. Посмотрѣлъ бы ты, какъ живутъ комиссары въ Москвѣ... Ого! Теперь я буду твоимъ секретаремъ и все устрою. Согласенъ?

Она струила его волосы въ своихъ пальцахъ и смѣялась — радостная, счастливая. Умъ ея, привыкшій къ практическимъ комбинаціямъ, въ то же время оцѣнивалъ положеніе, прикидывалъ и соображалъ. И соображенія эти удовлетворяли ее. Она еще не знала какъ, но была увѣрена, что достигнетъ многого изъ благъ жизни.. Вмѣстѣ, конечно, съ Борухъ-Менделемъ, съ Али...

Бѣлобрысая машинистка принесла бумаги для подписи — нѣсколько отношеній, пустичныхъ и почти ненужныхъ. Для нея это былъ только предлогъ, чтобы войти въ кабинетъ и взглянуть на особу, такъ внезапно ворвавшуюся въ мирное теченіе жизни отдѣла.

Настя успѣла соскользнуть съ колѣнъ Менделя и накинула платокъ на голову. Бѣлобрысая барышня не отличалась психологическими способностями и потому не вынесла никакихъ впечатлѣній: «должно быть разговаривали» — подумала она.

Пока Борухъ-Мендель прочитывалъ и подписывалъ бумаги, Настя заглянула въ нихъ черезъ его плечо. Мендель ставилъ свою под-

пись подъ словами: «завѣдующій культ.-просв. отдѣломъ.»

Это ее удовлетворило вполне.

— Знаешь, Али, я пойду къ себѣ въ гостиницу... Ты не знаешь еще, что я всего три дня, какъ пріѣхала изъ Москвы? Ну да... Остановилась въ гостиницѣ, а у меня документъ, какъ артистки Эрмитажа. Въ Москвѣ съ такими бумагами никого не трогаютъ, а вотъ въ Питерѣ по другому! Меня причисляли къ буржуйкамъ и погнали на работу. Подумай только, меня!

Она вспомнила вдругъ, что у нея нѣтъ другого документа, и снова могутъ выйти неприятности — такое поганое время настало!

— Слушай, Али, ты долженъ мнѣ дать какой-нибудь мандатъ... Иначе твоя Настенька снова попадетъ въ бѣду и не доберется до тебя.

— Мандатъ?

Борухъ-Мендель меньше всего ожидалъ возможности такого оборота дѣла.

— Какой же я могу тебѣ выдать мандатъ, Настенька? — спросилъ онъ, невольно хмуря брови.

— Ну какой хочешь, только чтобы въ немъ говорилось, что я — честная пролетарка и не подлежу никакимъ работамъ... Это ужъ ты самъ выдумай... Лучше всего, знаешь, возьми меня къ себѣ на службу!

Это было еще болѣе неожиданно, чѣмъ требованіе мандата. Но Борухъ-Мендель вполне серьезно огнесся къ словамъ Настя.

— На службу? Видишь ли, Настенька, мнѣ нужны, дѣйствительно, люди, но это для дѣтскихъ клубовъ... Развѣ ты можешь заниматься съ дѣтьми?

Изумленіе отразилось въ ея глубокихъ грѣховныхъ глазахъ. Потомъ она размѣялась — звонкимъ колокольчикомъ разсыпался смѣхъ по всему отдѣлу.

— Съ дѣтьми... ха-ха-ха! Могу и съ дѣтьми, Али, миленькій, особенно съ мальчиками... Хорошо, принимай меня на службу къ дѣтямъ, только сейчасъ же пиши мандатъ...

Борухъ-Мендель чувствовалъ, что за покладистостью Насти скрывается что-то другое. Но не хотѣлъ углублять разговора. Пусть. Настя соглашается работать въ клубъ, и она можетъ имѣть тогда мандатъ. Дальнѣйшее будетъ видно.

— Хорошо, Настенька, я напишу тебѣ мандатъ. Ты будешь въ первомъ домѣ пролетарскихъ дѣтей... Потомъ увидимъ, на что ты будешь способна.

Безудержная веселость обуревала Настю. Но она старалась все-таки не смѣяться. Бѣдный честный Али, дѣйствительно, думалъ, что она пойдетъ работать въ клубъ! Но пусть думаетъ, что хочетъ... сейчасъ нуженъ только мандатъ...

Борухъ-Мендель написалъ нѣсколько фразъ на бумажкѣ и самъ отнесъ машинисткѣ. Бѣлобрысая дѣвица прочла, немного удивилась, но въ азахъ коммунизма имѣлись указанія, что главная добродѣтель коммуниста — п дчиненіе вцику, цыку, центру и непосредственному начальнику, а потому не задала никакого вопроса.

Спустя пять минутъ мандатъ былъ написанъ, снабженъ печатью и подписанъ. Настя сложила и запрятала его въ карманъ.

— Ну, Али, теперь жди меня къ себѣ совсѣмъ. У меня вещей всего одинъ сундукъ... Я его прямо доставлю въ твою комнату. Хорошо?

Могъ ли Борухъ-Мендель думать сейчасъ иначе, чѣмъ думала она? Не могъ. Онъ, впрочемъ, даже не думалъ объ этомъ. Все было ясно и такъ: разъ явилась Настя, и она любить его, то ея мѣсто возлѣ него, какъ когда-то его мѣсто было возлѣ нея.

Такъ ясно и просто...

IX.

Борухъ-Мендель долго сидѣлъ въ кабинетѣ, точно застывъ на стулѣ.

Появленіе Насти стерло грань лѣтъ и событій между настоящимъ и тѣмъ, что было тогда, въ 15-мъ году въ Москвѣ... Онъ видѣлъ себя одинокимъ, брошеннымъ въ изгибы темныхъ московскихъ улицъ съ талесомъ подмышкой... Безъ крова, подъ мягкими хлопьями снѣга, падавшего изъ черной пустоты, брелъ онъ, не зная, гдѣ голову преклонить, прячась отъ городскихъ и пугаясь встрѣчныхъ, точно отмѣченный печатью Каина... И видѣлъ Настю, вдругъ появившуюся изъ свѣжной мглы, ея звѣзды-глаза, странно засвѣтившіеся передъ нимъ въ тотъ моментъ, когда онъ, усталый тѣломъ, ослабъ и духомъ...

Это былъ мигъ начала паденія въ бездну... счастья...

И все, что было потомъ, все, что касалось Насти, оживало ярко, до ничтожныхъ мелочей, въ памяти, горѣло въ ней огненнымъ

узоромъ... А все остальное проходило въ дымкѣ, было неважнымъ и умершимъ уже...

И люди, случайно бывшіе въ то время вокругъ, вставали какъ блѣдные призраки въ памяти. Молча скользили и уходили: и Давидъ Марковичъ, и Файвель, и Вѣрочка, и Вероника — всѣ они были простымъ фономъ, на которомъ жило и было существеннымъ только одно — Настя...

И сознаніе, что она опять пришла, что недавно, нѣсколько минутъ тому назадъ, она сидѣла у его ногъ, и потомъ онъ ощущалъ ея тепло и ея ласку, — наполняло его тихой, но звонкоструйной радостью... Радость эта плескала и билась о грани души, наполняя ее, точно драгоценная, искристая влага въ хрустальномъ сосудѣ...

Нѣтъ, Борухъ-Мендель ни о чемъ не могъ думать, ничего не могъ дѣлать... Радость и золото счастья, мелькавшее передъ глазами, мѣшало отдаться какой бы то ни было работѣ.

Раньше когда-то онъ боролся, онъ сопротивлялся счастью, гналъ его отъ себя, защищаясь великой мощью молитвъ и мудростью старыхъ книгъ...

Борухъ-Мендель печально улыбнулся, точно вспомнилъ близкаго друга, умершаго и похороненнаго...

— Да, — вымолвилъ онъ вслухъ, — а развѣ рудогайскій ребѣ не умеръ вмѣстѣ съ Рудогаемъ? Нѣтъ Рудогая, нѣтъ и его ребѣ... Но есть зато товарищъ Мендель — мечтатель, и есть еще... Настенька...

Онъ прислушался къ звуку этого имени въ собственныхъ устахъ, и печаль улыбки растаяла въ тихой нѣжности, озарившей лицо...

— Да, она пришла...

Раздался стукъ въ дверь. Боруху-Менделю показалось, что это вернулась Настя, и онъ рванулся къ двери...

Но вошла не Настя, а бѣлобрысая машинистка.

— Товарищъ Мендель, васъ требуютъ въ исполкомъ. Велѣли сказать, что засѣданіе началось уже.

Борухъ-Мендель забылъ уже объ этомъ, забылъ, что тов. Израилевичъ назначилъ по телефону это засѣданіе. Не идти нельзя было — онъ вѣдь комиссаръ отдѣла, а такъ не хотѣлось уходить отсюда, куда должна скоро придти Настя.

— Иду, — сказалъ онъ покорно. — А вы, товарищъ, если придетъ эта женщина, скажите ей, что я на засѣданіи.

Сказалъ и покраснѣлъ самъ — стало вдругъ неловко передъ этой безцвѣтной дѣвицей. Но она — сплошной ходячій долгъ службы — ничего не замѣтила, ничего не поняла и отвѣтила безстрастно:

— Хорошо, товарищъ Мендель, я скажу...

На засѣданіи въ громадномъ кабинетѣ председателя, обставленномъ тяжелой кожаной мебелью, собрались хорошо знакомыя лица — завѣдующіе отдѣлами совѣта. Среди нихъ только Мендель не былъ партійнымъ, но его считали человѣкомъ не отъ міра сего, мечтателемъ, вѣрившимъ въ идеи коммунизма, а потому — своимъ.

И относились къ нему съ лаской и тѣмъ покровительственнымъ панибратствомъ, съ какимъ относятся къ слабымъ, умственно-увѣчнымъ людямъ — чудакамъ и юродивымъ.

— Товарищъ Мендель, вѣроятно, сочинялъ проектъ всемірнаго дѣтскаго дворца, — встрѣ-

тилъ его громовымъ басомъ жилищный комиссаръ Нелюбия — элегантный человекъ въ военномъ костюмѣ съ выправкой кадрового офицера. — Вѣрно, товарищъ Мендель? А?

— Или рѣшалъ проблему замѣны столовъ и стульевъ въ дѣтдомахъ окнами, — подхватилъ Корневъ — секретарь исполкома, длинный и тонкій, какъ хлыстъ, юнецъ лѣтъ 20. — Во всякомъ случаѣ на повѣсткѣ мы имѣемъ докладъ тов. Менделя о дѣтдомахъ, а значитъ, придется слушать о столахъ и окнахъ.

Борухъ-Мендель улыбнулся и занялъ свое мѣсто за круглымъ столомъ, не отвѣчая на шутки. Впервые засѣданіе, на которомъ обсуждались и строились полные жгучаго интереса планы созиданія жизни въ районѣ, не имѣло для него значенія и было чѣмъ-то постороннимъ и ненужнымъ.

Это открытіе изумило и даже испугало его. Дѣло, которому онъ пошелъ служить, было колоссальнымъ и требовало всей души... А теперь часть души, вѣрнѣе вся она, была съ Настей. Здѣсь же сидѣла только тѣлесная оболочка Боруха-Менделя. И эта оболочка прислушивалась къ тому, что говорятъ, напоминала яркія рѣчи и докладовъ, но не реагировала на нихъ.

Обыкновенно Борухъ-Мендель участвовалъ въ преніяхъ, если они касались строительства жизни, а не политики. Его рѣчи, всегда логически построенныя, съ громаднымъ темпераментомъ и запасомъ житейской мудрости, старой, какъ міръ, покоящейся въ древнихъ фоліантахъ, часто имѣли рѣшающее значеніе. Коллеги не безъ пропіи бросали ему упрекъ: «метафизикъ!», но это не мѣшало имъ

прислушиваться къ его рѣчамъ и черпать изъ нихъ поправки къ резолюціямъ.

У Боруха-Менделя было большое преимущество передъ ними: привычка къ мысленію и комментаріямъ. Красивая гладкая ффраза не ослѣпляла его, а заставляла искать сокровеннаго смысла, и этотъ смыслъ всегда развертывался передъ слушателями — прямой и убійственный въ своей наготѣ.

Сегодня Борухъ-Мендель молчалъ. Ничто не могло взволновать или зажечь его.

Онъ слушалъ, но мыслью былъ далеко отсюда.

Предсѣдатель нѣсколько разъ поглядывалъ на него, порываясь что-то сказать, но не рѣшался. Наконецъ, во время минутнаго невольнаго перерыва, спросилъ:

— Что съ вами, товарищъ Мендель? Вы больны?

Борухъ-Мендель вздрогнулъ, точно взгляды предсѣдателя проникъ въ его тайну.

— Нѣтъ... я, кажется, здоровъ... — растерянно проговорилъ онъ. — Но мнѣ нечего говорить.

— А докладъ будете дѣлать?

Борухъ-Мендель занесъ на повѣстку докладъ по отдѣлу и другой — о дѣтскомъ дворцѣ. Но сейчасъ все это обезцѣнилось въ его глазахъ, и онъ сказалъ устало:

— Только по отдѣлу, товарищъ предсѣдатель.

Предсѣдатель улыбнулся. Нелюбимъ пробасилъ насмѣшливо:

— О воздушныхъ замкахъ, значить, слушать не будемъ сегодня?

Борухъ-Мендель покачалъ отрицательно головой.

— Нѣтъ, ни о замкахъ, ни о дворцахъ. Я предпочитаю слушать ваши проекты о переселеніи людей изъ хижинъ во дворцы...

Корневъ засмѣялся. Засмѣялся и черный маленький, похожій на жука, комиссаръ соціального обезпеченія — Гельфандъ. Всѣмъ было извѣстно, что Нелюбинъ пока переселилъ только себя и свою семью въ великолѣпную квартиру, брошенную милліонеромъ Лапшинымъ.

— Товарищи, къ дѣлу! — остановилъ председатель. — На повѣсткѣ еще 12 вопросовъ — мы такъ не кончимъ и къ ночи.

Х.

Комната Боруха-Менделя была въ третьемъ этажѣ — въ мансардной надстройкѣ, гдѣ раньше, вѣроятно, помѣщалась прислуга высшего ранга князей Долгорукихъ: бонны, гувернантки, камеристки и камердинеры.

Окно выходило во дворъ, за которымъ начинался садъ, весь занесенный снѣгомъ. Среди сугробовъ едва памѣчались дорожки, когда-то содержавшіяся въ образцовомъ порядкѣ. Теперь мѣсто ихъ можно было опредѣлять лишь по ровной линіи деревьевъ, подступившихъ къ краямъ бывшихъ аллей.

Комната была узкая, довольно помѣстительная, но изъ мебели въ ней находился лишь громадный мягкій диванъ, обитый краснымъ сафьяномъ, столъ, три разрозненныхъ стула и много книгъ.

Книги лежали на окнѣ, на столѣ, занимали стулья и безпорядочными стопками разбро-

сались на полу, по дивану и вездѣ, куда можно было ихъ сунуть.

Борухъ-Мендель три мѣсяца занималъ это помѣщеніе и привыкъ его видѣть такимъ — неприбраннымъ, съ разными бумажками и соромъ на полу, съ остатками пищи въ сверточкахъ на окнѣ, на столѣ, а иногда и на стульяхъ...

Когда онъ возвращался послѣ засѣданія по темнымъ коридорамъ домой, онъ думалъ о Настѣ. Въ душѣ была боязнь, что она почему-то не пришла—можетъ быть, не нашла его комнаты; можетъ быть, съ ней опять что-нибудь случилось...

Маленькій коридорчикъ—проходъ къ ваннымъ комнатамъ, — отдѣлялъ его помѣщеніе отъ остального дома. Борухъ-Мендель вошелъ въ коридорчикъ, и сердце его дрогнуло радостью: сквозь стеклянный верхъ дверей его комнаты лился яркій свѣтъ электричества.

Онъ остановился возлѣ дверей, блаженно улыбаясь, какъ человѣкъ, совершившій утомительный путь и подошедшій, наконецъ, къ теплу и свѣту родного очага.

Она здѣсь... заплѣло сердце ликующе.

Она здѣсь,—откликнулась сердцу душа.

А мысль? Мысль отсутствовала, уступивъ мѣсто голосу души и сердца.

Онъ нажалъ ручку и вошелъ, не предупреждая стукомъ. Глазъ успѣлъ только замѣтить какое-то пестрое яркое облако, кинувшееся къ нему навстрѣчу.

— Али! Наконецъ-то...

И пестрое облако обрушилось на него внойнымъ тепломъ женщины, обвило его шею крѣпкимъ объятіемъ и замерло на мгновеніе.

— Какъ я тебя ждала, ждала! О, Али, какъ долго у васъ бываютъ засѣданія. Неужели нельзя было раньше?

Первая буря ласкъ и упрековъ отгремѣла и стихла. Борухъ-Мендель окинулъ взглядомъ свою комнату и съ трудомъ узналъ ее.

Прежде всего въ ней пахло Настей. Это былъ тотъ же запахъ какихъ-то странныхъ духовъ, пудры и еще чего-то, какъ и тамъ — въ Москвѣ... Запахъ сладкій и волнующій...

Потомъ... въ комнатѣ прибавилось мебели. Кокетливый туалетный столикъ помѣстился въ углу рядомъ съ кафельной печкой. Сафьяновый диванъ перемѣнилъ положеніе—переехалъ къ другой стѣнкѣ и былъ покрытъ какой-то мохнатой тканью — не то текинскимъ ковромъ, не то удивительной какой-то шалью. Два тяжелыхъ сафьяновыхъ кресла подъ пару дивану громоздились возлѣ небольшого столика, прикрытаго плюшевой скатертью, образуя особый уголокъ... Книги правильными рядами выстроились на этажеркѣ, а часть ихъ заняла окно.

Было чисто и уютно...

— Нравится тебѣ все это? — спросила Настя. — Такъ, по моему, лучше. Потомъ мы устроимся получше, конечно, а пока можно и такъ... Ты — комиссаръ и тебѣ нужно жить хорошо. Ну скажи, развѣ не умница я?

— Все это прекрасно, Настенька, но откуда ты взяла эти вещи?

— Да здѣсь ихъ полный домъ... Въ одномъ каретномъ сараѣ столько мебели, что можно обставить дворецъ. Я пошла къ дворнику, и мы съ нимъ сдѣлали что нужно. Вотъ видишь: и коверъ и все... Я хотѣла выбрать

еще пару картинъ, но устала очень. Выберу завтра... Ну, ты доволенъ?

Борухъ-Мендель улыбулся: женщина прежде всего женщина, и ей необходимо прежде всего позаботиться о внѣшней сторонѣ жизни.

— Все хорошо, Настенька, но боюсь, что ты трудилась напрасно: совѣтъ на-дняхъ перебирается въ новое помѣщеніе, а это пойдетъ подъ домъ пролетарскихъ дѣтей... Придется и намъ мѣнять квартиру.

— Перемѣнимъ. А пока будемъ жить тутъ и любить, — добавила она, метнувъ на него искры глазъ, всколыхнувшія въ немъ кровь...

XI.

Все произошло такъ просто.

Пришла Настя, какъ приходитъ хозяйка домой послѣ отсутствія, и заняла свое мѣсто.

И потому, что все произошло такъ просто и естественно, Боруху-Менделю казалось, что иначе и не могло быть. Годы, промелькнувшіе со дня ихъ послѣдней встрѣчи въ Москвѣ, точно не существовали или были разлукой, вызванной необходимостью.

Теперь они снова вмѣстѣ, и все должно было идти по особому пути, по какому — это было все равно для Боруха-Менделя.

Настя хлопотала, приготовляя ужинъ. Она добыла откуда-то маленькую электрическую плитку и жарила что-то на ней въ сковородкѣ. Острый, но вкусный запахъ наполнялъ комнату...

Борухъ-Мендель сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ за маленькимъ столикомъ и ждалъ, пока она кончитъ возню съ ужиномъ. Ъсть онъ не хотѣлъ, но ему пріятно было видѣть ея возню, ея хлопоты. Пестрый шелковый капотъ на ней поминутно съѣзжалъ внизъ, обнажая бѣлое круглое плечо и пухлую руку, красивую и полную, еще не потрепанную временемъ. Лицо Насти разрумянилось, влага пота осѣла на кругломъ лбу, и она казалась Боруху-Менделю еще милѣе, еще болѣе близкой въ этомъ домашнемъ, немного растрепанномъ видѣ...

— Ну вотъ и готово, мой милый Али... Сегодня я ничего не могла достать на ужинъ, кромѣ этого, но завтра будетъ другое... Видишь, это только сушеная вобла. Я размочила ее какъ слѣдуетъ и зажарила на маслѣ съ головкой лука. А потомъ будетъ кофе... Кофе я привезла немного съ собой изъ Москвы

Свое кресло она придвинула вплотную къ нему. Но громадные валики-поручни мѣшали близости, и Настя скоро перекочевала въ кресло Боруха-Менделя

— Такъ-то лучше будетъ, — втискиваясь къ нему, сказала она. — Ну, Али, теперь будемъ кушать...

Все было такимъ же, какъ когда-то въ Москвѣ, въ гостиницѣ, гдѣ снимала номеръ Настя.

Была разница въ обстановкѣ и, можетъ быть, въ которой въ самой Настѣ. Она казалась болѣе сдержанной, болѣе ровной. Но это могло быть отъ новизны впечатлѣній. Борухъ-Мендель не разбирался въ этомъ, не хотѣлъ ловить чуждыхъ черточекъ, внесенныхъ двумя годами разлуки...

Онъ ѣлъ и пилъ все, что давала Настя. А у нея бродила въ головѣ какая-то лукавая мысль, когда она подала на столъ жареную воблу. Мысль эта свѣтилась въ глазахъ игривыми искорками и тогда, когда Борухъ-Мендель взялъ изъ ея рукъ кусокъ рыбы...

— Слушай, Боренька, — наконецъ не выдержала она, — а это тебѣ не запрещаетъ ѣсть твой... законъ?

— Нѣтъ, Настенька, — улыбулся Борухъ-Мендель. — Законъ мнѣ этого не запрещаетъ. Но, кромѣ того, сейчасъ не то время, и законъ сейчасъ другой... Когда на землѣ голодъ, и люди не могутъ придерживаться закона, законъ смягчается для нихъ. Потомъ, милая Настенька, я самъ отступилъ уже отъ закона.

Настя была удивлена этимъ заявленіемъ. Ей вспомнился одинъ вечеръ — ихъ первая досадная и полная пытки ночь, когда этотъ человѣкъ, измученный, загнанный и совершенно голодный, предпочелъ продолжать голодовку, а не прикоснулся къ вкусной свиной котлетѣ. Тогда онъ говорилъ о своемъ законѣ другое...

— Ты измѣнился, мой Али, — сказала она серьезно и просто, — и это лучше... Твой законъ былъ жестокимъ закономъ и не позволялъ жить.

Борухъ-Мендель грустно покачалъ головой.

— Мой законъ не только не мѣшалъ жить, а регулировалъ жизнь моего народа въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ. Онъ разуменъ и ни капли не жестокъ, Настенька... Я измѣнился немного, но не измѣнилъ совѣмъ ни своему закону, ни народу. Судьбѣ угодно было направить меня въ другое русло, и я здѣсь... Я

оставилъ законъ, потому что слишкомъ измѣнились условія быта, и самъ я надѣюсь принести больше пользы на этомъ мѣстѣ, чѣмъ будучи раввиномъ гдѣ-нибудь... Да, я оставилъ законъ, но не отбросилъ его, и вернусь къ нему, когда настанетъ время, и когда пожелаетъ Господь.

— Ну, это, братецъ, шутки! Не отдамъ я тебя больше никакому закону... Слышишь, Али, ты мой и только мой!

Она неожиданно сжала его шею руками, точно тисками, и вся прильнула къ нему, трепещущая и жадная, точно хотѣла цѣликомъ войти въ него или поглотить его.

— Ты мой... И только мой... Любимый, единственный... Мой навѣки...

XII.

Въ темнотѣ ночи лежали они рядомъ на диванѣ, превращенномъ въ постель... Усталые, во полные томнаго трепета нѣги, слегка сплетая руками—усталость разомкнула тиски объятий—лежали они, слушая тишину ночи.

Не было звуковъ. Домъ и все вокругъ точно умерло, погрузилось въ черный покой безмолвія. На улицахъ такой же жуткій мракъ поглотилъ жизнь. Не было свѣта, и не было ночью жизни въ городѣ.

— Али, мнѣ жутко... — вдругъ шопотомъ произнесла Настя. — Знаешь, такое чувство, точно кто-то подкрадывается къ тебѣ... Даже не подкрадывается, а окружалъ уже со всѣхъ сторонъ и поджидаетъ... Ты его не видишь, а

чувствуешь, что со всѣхъ сторонъ онъ — нѣтъ выхода... Понимаешь?

Борухъ-Мендель ласково привлекъ ее голу къ своей груди.

— Все это нервы, Настенька... Я знаю это состояніе... Я испыталъ его, когда люди умирали сотнями на моихъ глазахъ, когда моя семья была обречена на смерть, и я ничего не могъ подѣлать, а только ждать конца... я знаю это чувство, Настенька.

— Твоя семья... Бѣдный мой, Али... А скажи, какъ ты сталъ комиссаромъ?

Борухъ-Мендель понялъ, что Настя желаетъ отвлечь его мысли отъ печальныхъ воспоминаній. Въ душѣ шевельнулась теплая признательность.

— Я — не комиссаръ, Настенька. Народные комиссары это какъ министры раньше были. А я только завѣдующій отдѣломъ...

— Все равно комиссаръ, — живо перебила Настя. — Всѣ такъ называютъ... Только тѣ — большіе комиссары, а ты — поменьше, маленький комиссаръ... Маленькій мнѣ даже милѣе, чѣмъ большой.

— Ну пусть такъ. Пусть я — маленький комиссаръ, — согласился Борухъ-Мендель. — А соблазнилъ меня стать комиссаромъ одинъ солдатъ-коммунистъ... Помнишь, тотъ слѣпой, котораго тогда арестовали у Давида Марковича...

— Ахъ, Али, не нужно помнить этого... Тотъ слѣпой? Какъ же онъ слѣпой — солдатъ?

Онъ выздоровѣлъ, Настенька... Меня онъ встрѣтилъ на улицѣ въ тотъ день, когда разогнали Учредительное Собраніе... Съ того дня я — маленький комиссаръ.

— А ты... коммунистъ тоже?

Въ ея голосѣ Борухъ-Мендель почувствовалъ и любопытство и трепетъ жутѣ — ту боязнь, которую вселяло въ душу обывателей одно слово «большевикъ».

— Нѣтъ, Настенька, я не считаю нужнымъ записываться въ партію. Пока..

— А потомъ?

— Я не знаю, что будетъ потомъ..

Настя умолкла... Слышно было только ея дыханіе — глубокое, ровное, точно она заснула... Гдѣ-то далеко во мракѣ за окномъ щелкнулъ одинокій выстрѣлъ — точно бичъ хлопкомъ разорвалъ воздухъ...

— Стрѣляютъ. — жутко выдавила Настя. — Ахъ, знаешь, Али, я насмотрѣлась въ Москвѣ... Какъ было страшно въ тѣ дни, когда большевики захватили власть. Точно звѣрей выпустили на волю. Пьяные матросы что творили — страсть. . Знаешь, послѣ того черниговца я опять вернулась въ Москву... Были у меня всякіе знакомые, конечно, а когда Керенскій сталъ у власти, у меня оказался дружокъ — красавецъ штабъ-ротмистръ то-ли изъ польскихъ князей, то-ли изъ хохлацкихъ — не знаю ужъ, только самый настоящій князь — Новомейскій-Добушко... Бо-о-гатый... И чудакъ. Онъ мнѣ присылалъ розы, когда ихъ и достать-то нельзя было... И всегда въ самой большой розѣ внутри какая-нибудь брилліантовая вещь... Ты слышишь, Али?

— Да, я слушаю, — отозвался Борухъ-Мендель просто. — Разсказывай...

Она ожидала ревнивыхъ нотокъ въ тонѣ его голоса. Она тысячу разъ испытала уже какъ не любятъ мужчины слушать о другихъ, о предыдущихъ конкурентахъ... Но Борухъ-

Мендель былъ равнодушенъ къ этой сторонѣ разсказа. Его интересовало другое—какія именно сплетенія обстоятельствъ привели къ нему его Настеньку.

— Князинька мой, когда настала керенщина, получилъ очень важное назначеніе. Онъ былъ комиссаромъ всей московской полиціи. Что-то вродѣ губернатора, но поважнѣе, такъ какъ ему подчинялся и губернаторъ... Ахъ, какъ мы жили съ нимъ, какъ шикарили! Это точно сказка была, милый Али. Въ какихъ я туалетахъ выѣзжала въ рестораны! Всѣ ночи напролетъ мы кутили...

Въ головѣ Али рисовались эти картины. Скучныя, отрывистыя фразы создавали широкіе образы, и онъ видѣлъ эти рестораны, залитые свѣтомъ съ безумными, роскошествующими людьми, а рядомъ во тьмѣ—милліоны гибнущихъ на войнѣ, страдающихъ отъ голода, болѣзней людей... И видѣлъ ихъ глаза, милліоны глазъ жадныхъ, блестящихъ враждой и злобой, направленные въ сторону этихъ ресторановъ—къ безумствующимъ...

— Да.. такъ должно было произойти... Пиръ во время чумы былъ лучше, — вслухъ заключилъ онъ свою мысль.

— Что произойти? — изумилась Настя — Развѣ ты знаешь все?

— Нѣтъ, я это такъ, про себя,—отозвался онъ.—Продолжай, Настенька, такъ хорошо слушать тебя...

ХІІІ.

— Ну, и вотъ видишь,—продолжала Настя, — я не люблю большевиковъ. Они убили мою

сказку. Понимаешь, всю свою жизнь я мучилась, глотая наспѣхъ то, что подносила жизнь хорошаго, зная, что сейчасъ же она выкинеть какую нибудь гадкую штуку. Всю жизнь такъ.. И вдругъ я зажила наконецъ, да такъ, что и не снилось мнѣ никогда... И это могло продолжаться долго, очень долго... И когда бы меня бросилъ мой князинька, у меня были бы средства по гробъ жизни... Понимаешь?

И все вышло такъ неожиданно. Утромъ ворвался ко мнѣ князинька блѣдный, на себя непохожій, почти полуодѣтый... Шинель была прорвана на боку и въ грязи... А изъ рукава сочилась тонкая струйка крови... Накапунѣ была пальба, всѣ знали въ чемъ дѣло, но самъ мой князинька смѣялся и говорилъ, что ничего страшнаго не можетъ быть... А утромъ, взглянувъ на него, я поняла, что все пропало, что кончилось сладкое...—Ты раненъ? —спросила я, вскакивая изъ кровати. «Да, и за мной гонятся большевики. Спрячь меня куда-нибудь». Я видала всякіе виды, Али, и потому не растерялась. Кто прошелъ огонь и воду, и мѣдныя трубы, у того голова всегда на мѣстѣ. Куда его спрятать? Если напали на слѣдъ, то будутъ искать по всѣмъ квартирамъ и найдутъ все равно.. — Видѣли куда ты зашелъ?—спросила я. «Они преслѣдовали меня по пятамъ. Думаю, что видѣли».—Тогда одно еще можно—залѣзай подъ перину, а я буду лежать, какъ ни въ чемъ не бывало...

— И онъ какъ былъ въ сапогахъ, въ шинели и въ шапкѣ бухнулся въ кровать—я тамъ устроила мѣстечко такое: взбила горой перину, и онъ залѣзъ къ стѣнкѣ, такъ что ничего не было видно, а сама я легла и покрылась одѣяломъ. Легла, а сама думаю: «если найдутъ

моего князиньку, не сдобровать и мнѣ. Прощай тогда, Настенька, довольно покрутила на свѣтѣ». Страшно не было, а вся я дрожала... «Только,—думаю,—дрожать не годится. Нужно поспокойнѣе, точно бы спала все время. Да, я и забыла. У меня Нютка была, горничная, шельмовая дѣвка и продувная — страсть. Она видѣла, какъ прятался князинька. Я ей: — Смотри же ни гу-гу! Ну, на нее можно было положиться — жили мы съ ней какъ подруги... И вдругъ—ба-бахъ! — въ парадныя двери — прикладами это... Слышу, Нютка сквозь двери спрашиваетъ: «Кто тамъ? Что за люди?»

«Властью революціи,—кричатъ, — отоприм... на дочь»!

Отворяетъ Нютка и, слышу, ругается — отчаянная она: «Хороши товарищи, неча сказать, ежели сразу ругаетесь... Какая я вамъ с... на дочь? Чай трудовая я и хлѣба вашего не заѣдала»!

«Помалкивай, ладно! Трудовая тоже нашлась — горшки за буржуйками выносить—экой трудъ! Говори лучше, офицеръ куды дѣвался?»

«Какой офицеръ?»

«Князь офицеръ, полицейскій комиссаръ. Нечего дуру-то корчить!»

«Никакого князя у насъ нѣтъ, — рѣжетъ Нютка. — Ищите въ другомъ мѣстѣ».

«Такъ-то ты революціи противишься, а еще трудовой себя считаешь... Смотри, сука, найдемъ, такъ не жить тебѣ. Айда, товарищи по квартирѣ!»

Загромыхали сапожищами... Къ спальнѣ прутъ цѣлой оравой... Я то, точно проснулась, кричу не своимъ голосомъ: — Что это? Анютка! Кто тамъ?

«Свой. Хозяева! — крикнулъ кто-то, и остальные загоготали. — Съ обыскомъ!»

И сразу шестеро влѣзли въ спальню. Рожи разбойничьи; хоть и военные — моряки и солдаты, — а расхлястаны. На рукавахъ красныя ленты, а къ кушкамъ бомбы привѣшены...

Одинъ, должно быть, старшой матросъ съ рыжей бородой, говорить:

«Подавай своего хахаля!»

Я присѣла въ кровати, нарочно одѣяло откинула такъ, чтобы видно было, что никого со мной нѣтъ. Говорю имъ:

— Довольно стыдно, товарищи, врываться къ одинокой женщинѣ. И потомъ я васъ не понимаю. Что за хахаль? У меня никого нѣтъ.

«Ну, это мы увидимъ. Куда запрятала комиссара? Говори!»

— Какого комиссара?

«Да нечего ваньку ломать. Знаешь, чай и сама».

— Ничего не знаю, хоть убейте...

А вижу, что они хоть и злы страшно, а смотреть на меня такъ, какъ всегда мужчины смотреть на насъ... А у меня точно бы нечаянно сорочка спустилась съ плеча... Ну, а тѣло то еще у меня что надо, не подгуляло, я сама я не изъ какихъ-нибудь... Распускаютъ слюни, особенно старшой.

«Хоть ты и говоришь, гражданка, что никого не видала, а мы должны обыскъ произвести по долгу революціи».

Это старшой-то говорить и шастъ къ кровати. Заглянулъ подъ кровать, а потомъ лапы подъ одѣяло запустилъ. И вмѣсто того,

чтобы перину прощупать, меня по ногамъ. Ручищи шершавыя, ровно щеткой водить...

— Ошибся, — смѣюсь, — никакъ товарищъ. — Негдѣ тамъ офицеру быть...

А сама ему глазки... У него это распалилась сразу рожа...

«Нѣту, — говоритъ, — никого. Прощупаль все».

Другіе гогочутъ.

«Видѣли, что прощупаль!.. Надо и намъ посмотреть».

Ахъ, гады! И всѣ полѣзли къ кровати, точно медвѣди къ меду.

Старшой нахмурился.

— Назадъ! — кричитъ — Мы, товарищи, не для того здѣсь, чтобы оскорблять женщину. Пусть она хоть и буржуйская дѣвка, а мы съ бабьемъ не воюемъ. Ищи по квартирѣ!

Нехотя отстали. Старшой ушелъ послѣднимъ.

«Я, — говоритъ, — краля, вернусь еще».

— Ворочайся, — отвѣчаю, — я не буржуйка и самъ увидишь.

Шарили они долго по квартирѣ, перерыли все, — потомъ многого я не досчиталась. Ворье! Потомъ ушли.

Вылѣзъ мой князинька. Смѣется. Благодарить меня: «За такую услугу, Настя, жизнь готовъ отдать за тебя!»

— Ну, — говорю ему, — отъ твоей жизни теперь мало толку. Что будешь дѣлать?

«Бѣжать надо. Посижу у тебя до вечера, а тамъ и уйду».

— Куда?

«Самъ еще не знаю. Къ стѣнкѣ-то станется будто бы рановато. На югъ надо махнуть».

— Ну, махай!

Старшой то матросъ не забылъ адреса, зашелъ потомъ. Князинька мой въ чуланѣ отлеживался, пока я съ матросомъ была. Страшно мнѣ было съ нимъ — большой онъ и ровно бы каторжный — смотреть исподлобья, а въ глазахъ звѣрь притаился. Убить такому ничего не стоять, и за эти дни онъ убилъ не одного человѣка. Трудно было съ нимъ, а все-таки обошла я его...

«Пора и тебѣ,—говорить,—послужить революціи. Довольно съ буржуями путалась... А ужъ по части денегъ или подарочка — небось, не хуже буржуевъ мы. Потому теперь все наше. Чего душа хочетъ, то и бери...

И оставилъ мнѣ подарокъ. Вытащилъ изъ кармана горсть и бросилъ на столъ. А тамъ браслетъ, три кольца и золотые часы.

«На,—говорить, — для начала. Не то еще будетъ, какъ полюбишь...

И у него полный карманъ золота и бриллиантовъ. Грабили, значить, на славу!

Думала я, что спасла князя. А вышло по другому. Вечеромъ вышелъ онъ переодѣтый, понятно. Я за нимъ, проводить хотѣла. А внизу, въ подъздѣ, глядь матросъ стоитъ съ ружьемъ. Увидалъ моего князиньку. «Кто такой?» «Да просто гражданинъ Петровъ» отвѣчаетъ князь. «Изъ трудящихся?» «Слесарь, товарищъ». А матросъ и воззрися въ его руки. «Чудно, — говоритъ,—ручки-то не слесарныя, больно бѣлыя, да и колечко-то... Стой! Руки вверхъ!»

Князь былъ не изъ робкаго десятка. Руку то не вверхъ, а въ карманъ за револьверомъ. Не успѣлъ выпнуть иначе—матросъ извернулся и прикладомъ его по головѣ. Грохнулся мой князь, а я ни жива, ни мертва наверхъ,

домой. Думаю: «теперь, Настя, уноси ноги!» Схватила наспѣхъ что могла изъ золота и денегъ и сквозь черный ходъ, черезъ кухню удрала... Этакъ-то я первый разъ познакомилась съ большевиками... Потомъ похуже было еще... Да всего не расскажешь за разъ. Ты уснулъ, Али?

— Нѣтъ, Настенька, я слушаю.

— И хорошо, что ты не большевикъ, Али... А то бы я боялась тебя... А такъ...

И она вдругъ, извернувшись, какъ змѣя, припала къ нему и обвилась вся вокругъ него...

— Мой Али... Мой единственный,—раздался страстный, прерывающійся шопотъ...

И это было единственнымъ звукомъ во всемъ громадномъ пустомъ верхнемъ этажѣ зданія совѣта...

И мракъ жадно поглотилъ его, разнеся тихими шелестами по угламъ.

XIV.

Потянулись вереницей странные дни...

Борухъ-Мендель утро проводилъ въ совѣтѣ или пѣшкомъ посѣщалъ свои клубы и сады. Были автомобили въ распоряженіи отдѣла, но онъ ими не пользовался — находилъ неумѣстнымъ подражать привычкамъ тѣхъ, которые управляли жизнью до революціи и не сумѣли справиться съ ней... Онъ былъ скроменъ, до щепетильности скроменъ въ отношеніи самого себя, но не осуждалъ и тѣхъ, кто вродѣ Нелюбина довольно широко пользовался привилегіей своего положенія.

И раньше, до появленія Насти, какъ работѣ въ отдѣлѣ, такъ и этимъ посѣщеніямъ клубовъ и дѣтскихъ садовъ онъ отдавался цѣликомъ, не замѣчая времени и не чувствуя усталости.

Въ клубахъ его окружали ребятишки — неопрятный рой маленькихъ существъ, всосанныхъ клубами изъ самыхъ темныхъ и грязныхъ щелей столицы.

Здѣсь были мальчики и дѣвочки, знакомые со всѣми ужасами нищеты и сопутствующими ее пороками. На нихъ лежала особая печать — хищность, скрытая подъ внѣшнимъ гнетомъ забитости. Въ нихъ дремали волчата, каждую минуту готовые проснуться и пустить въ ходъ зубы, чтобы отвоевать свой кусочекъ пищи.

И эти дѣти были ближе всего сердцу Боруха-Менделя. Въ мечтѣ онъ видѣлъ эти отбросы жизни облагороженными, преображенными въ честныхъ стойкихъ созидателей новой жизни на землѣ. И имъ онъ отдавалъ свою душу.

Крикливая орава окружала его и часами не выпускала изъ своего кольца. И онъ покорно отдавалъ себя имъ. Садился на скамью или на окно и говорилъ съ ними о чемъ имъ хотѣлось. Въ этихъ бесѣдахъ Борухъ-Мендель измѣрялъ глубину душъ своихъ маленькихъ друзей и съ отчаяніемъ убѣждался, какъ далеки отъ этихъ душъ воспитателя, приставленные къ нимъ.

«Здѣсь матеріаль для превращенія жизни въ рай или въ адъ, — размышлялъ Борухъ-Мендель, — все дѣло только въ мастерахъ. А мастеровъ нѣтъ, и, значитъ, можетъ получиться адъ вмѣсто рая»...

И все, каждая мелочь, каждый пустячный штрихъ въ жизни его учрежденій волновали, а порою и мучили Боруха Менделя. Очень поздно возвращался онъ домой изъ этихъ обходовъ, усталый, терзаемый сомнѣнiями и забывалъ иногда даже зайти въ партiйную столовку, гдѣ считался почетнымъ гостемъ, — поужинать...

Пришла Настя, и все измѣнилось.

Онъ работалъ въ отдѣлѣ попрежнему, но мысли его рѣдко цѣликомъ принадлежали работѣ. Онѣ были возлѣ нея, и самъ онъ былъ весь точно заполненъ звуками ея голоса ..

— Али... Боря... Боренька, — звенѣло въ ушахъ вѣжной лаской, и этотъ зовъ онъ слышалъ постоянно, носилъ его съ собой...

Онъ посѣщалъ клубы и попрежнему говорилъ съ дѣтьми, но выходило эго по другому: онъ сидѣлъ среди дѣтей, но душа его была не съ ними—а съ Настей, и мысль, отрываясь отъ бесѣды, неслась къ ней съ привѣтомъ любви:

«Что она дѣлаетъ, любимая моя?»

И дѣти прежде всѣхъ почувствовали это.

Буйная ватага, жаждавшая его, понемногу охладѣла, толпа поклонниковъ растаяла. Борухъ-Мендель приходилъ, проходилъ по шумнымъ заламъ, и никто не хваталъ его за полы, никто не осаждалъ просьбами и вопросами.

— Нашъ комиссаръ пришелъ, видѣли? — слышалъ онъ за спиной голоса, и этимъ ограничивалось все. Онъ сталъ неинтересенъ мелюзгѣ, потому что уже не былъ ихъ собственностью и ихъ отталкивалъ его видъ, сосредото-

XV.

Вечеромъ онъ приходилъ домой недовольный собой, усталый и разбитый. Но все это только до дверей комнаты... За этими дверями было другое, иная жизнь, настоящая, къ которой рвалась душа и кромѣ которой ничего уже не существовало.

Настя съ радостнымъ возгласомъ кидалась къ нему и висла на его шеѣ.. И это снимало съ души весь гнетъ дня. Пропадало недовольство собой, точно умирали сомнѣнія и разсѣивался мракъ неудовлетворенности. Настя овладѣвала имъ, и онъ до угра принадлежалъ ей, всѣмъ ея прихотямъ и фантазіямъ.

Онъ ѣлъ то, что давала она, никогда не задумываясь о томъ, откуда и какъ она доставала припасы.

Однажды она поставила на столъ бутылку вина. Это была мадера, прекрасная старая мадера, ароматъ которой наполнялъ комнату, едва Настя открыла пробку.

Вино напомнило кусочекъ московскаго прошлаго — кутежъ съ черниговцемъ, и Менделю стало непріятно.

— Откуда это? — спросилъ онъ.

— Твоя Настенька что угодно доставетъ. — безпечно засмѣялась она, — но въ этомъ смѣхѣ прозвучала неискренняя нотка, точно она хотѣла что-то скрыть отъ него.

Борухъ-Мендель взялъ ея руки и привлекъ ее къ себѣ.

— Настенька, — съ нѣжнымъ укоромъ сказалъ онъ, — неужели тебѣ хочется повторенія того, что было въ Москвѣ?

Настя тряхнула головой, и подвитые волосы ея задорно колыхнулись.

— Нѣтъ, Али, не того... Но я думаю, что мы можемъ съ тобой зажить немного лучше... Веселѣе... Миѣ хорошо съ тобой, но понимаешь, я люблю, когда вокругъ меня бурлитъ жизнь, хотя бы самая безшабашная... Знаешь, въ Москвѣ, когда большевики захватили власть въ пору жуткихъ боевъ и разныхъ расправъ, я чувствовала себя прекрасно. Было страшно, но въ страхѣ этомъ была такая прелесть... Это опьяняло, какъ вино... Али, миленькій, конечно, я очень скверная, потаскушка я, но что же миѣ подѣлать съ собой: я не могу всю жизнь просидѣть въ одной комнатѣ даже съ тобой.

Борухъ-Мендель уныло вздохнулъ. Онъ зналъ, что Настина натура потребуетъ угара жизни, и боялся этого момента. То, что она больше недѣли провела въ этой комнатѣ, ничего не желая и ничего не требуя, даже удивляло его. Это было затишье, полоса штиля между двумя бурями.

И съ этимъ ничего нельзя было подѣлать!

— Ты сердишься, Боренька? — опускаясь къ его ногамъ и заглядывая снизу въ глаза, вкрадчиво заговорила она. — Мой Али сердится? Но я вѣдь не хочу ничего дурного, я хочу вѣчно быть съ тобой и больше ни съ кѣмъ... Но если вокругъ будутъ люди, будетъ шумъ и веселье, это же нисколько не помѣшаетъ... Знаешь, Али, я познакомилась тутъ съ вашимъ однимъ комиссаромъ. Онъ — бывший офицеръ и

милый такой, такой веселый человекъ. Онъ обѣщаль дать намъ великолѣпную квартиру...

— Нелюбинъ? — прервалъ Борухъ-Мендель.

— Да, онъ. А развѣ я дурно сдѣлала, что познакомилась съ нимъ? Вѣдь онъ же — твой товарищъ...

Борухъ-Мендель всталъ и зашагалъ по комнатѣ, испытывая неприятное волненіе.

— Нѣтъ, ничего, Настенька, ничего... Только вотъ квартира... Это мнѣ неприятно.

Настя слѣдила за нимъ изумленными глазами.

— Квартира? Неприятно? Почему намъ съ тобой не жить такъ, какъ живутъ другіе комиссары? У Нелюбина прекрасная буржуйская квартира отъ спичечника Лапшина, у председателя исполкома — особнякъ Фалевича, у всѣхъ дворцы, а почему намъ нужно жить въ такой комнатѣ?

Она не могла понять возраженій Боруха-Менделя — для этого нужно было переродить ея душу и тѣло. Борухъ-Мендель сознавалъ это, и возраженія застыли на его устахъ. Да, она была красива, она хотѣла пользоваться всѣмъ, что могла дать жизнь... И какое право имѣеть онъ держать въ клѣткѣ эту птицу, привыкшую къ волѣ, къ простору? Нужно было или совсѣмъ выпустить эту птицу, или... дать ей немного воли.

Выпустить Настю, разстаться съ ней, когда сама судьба привела его къ нему? Выпустить синюю птицу счастья, оторваться отъ кубка любви, не утоливъ и сотой доли жажды? Это было выше силъ. Борухъ-Мендель—рав-

винъ, когда-то не могъ устоять передъ этимъ, что же могъ сдѣлать Борухъ-Меидель комиссаръ?

Меидель печально улынулся своимъ двумамъ и снова опустился въ кресло, возлѣ котораго на коврѣ все сидѣла еще Настя. Онъ привлекъ ея голову къ себѣ, положилъ на колѣни и такъ смотрѣлъ сверху въ ея глаза—темные ненасытные колодцы, безпокойно алкавшіе чего-то..

— Дѣлай какъ хочешь, Настя...

Она вскочила въ дикомъ восторгѣ, оглушила его бурнымъ, порывистымъ поцѣлуемъ и закружилась по комнатѣ въ бѣшеной пляскѣ. Среди кружевъ пенюара мелькали стройныя ножки въ красныхъ сафьяновыхъ туфелькахъ, задорно праздную побѣду.

Эхъ! Жили мы въ подвалѣ.

Славно пировали:

Пили «кали мали»*)

Воблой заѣдали..

Запѣла она, прищелкивая языкомъ и пальцами точно кастаньетами. И сразу ожила въ ней старая Настя, безшабашная, разгульная, та самая, что кружилась когда-то въ пляскѣ, обернутая талесомъ.

— И заживемъ же мы, Али, заживемъ, Боренька, да такъ, что чертямъ станетъ тошно. А ты будешь самый главный комиссаръ.. Вотъ увидишь...

*) «Кали-мали» — такъ назывался двойной одесконецъ, который пилъ вмѣсто водки рабочій людъ во время войны, когда святые напитки были запрещены.

— Ну, подѣлуй меня разокъ, Боренька...
Почему ты такой скучный?

Красная отъ возбужденія и пляски, съ горящими глазами кинулась она къ Боруху-Менделю и сѣла на колѣни.

Борухъ Мендель не отвѣтилъ, но крѣпко прижалъ ее къ груди.. Она была его сокровищемъ, его жизнью и счастьемъ, его тоской и мукой и его высшимъ блаженствомъ!

Развѣ, все это можно передать словами?

Часть вторая

I.

Была зима 1919 года...

Петроградъ боролся съ двумя грозными врагами — голодомъ и холодомъ. Голодъ выгонялъ изъ домовъ жалкихъ, изможденныхъ людей на базары и площади, и тамъ шелъ торгъ. Все, что осталось у обывателей изъ скарба, выносилось на эти базары, и тутъ на твердомъ смерзшемся снѣгу лежали кучи всевозможныхъ вещей. Среди нихъ сновали люди иного вида, чѣмъ жалкіе продавцы — тепло одѣтые и сытые скупщики-мѣшечники, набиравшіе товаръ для обмѣна въ деревняхъ на хлѣбъ.

И здѣсь охотно отдавалось за хлѣбъ все что угодно, начиная отъ золота и брилліантовъ и кончая бѣльемъ и мебелью...

Полупьяные матросы изрѣдка появлялись среди этого муравейника. Они были сыты, но не совсѣмъ пьяны и потому продавали тоже — кто табакъ, а кто цѣлыми вязками кольца и серьги, навязанные на веревочку, точно баранки.

За безцѣнокъ, за бутылку подозрительнаго спирта или самогона отдавались брилліанты, украшавшіе выхоленные ручки дамъ высшаго свѣта, сверкавшіе въ розовыхъ мочкахъ ушей княженъ и графинь...

Гдѣ ихъ хозяйки? Объ этомъ ничего не могли сказать ни вещи, ни ихъ продавцы, счастливые участники грабежей въ богатыхъ кварталахъ.

Голодъ заставлялъ забитаго и ограбленнаго обывателя разставаться съ остатками добра, на приобрѣтеніе котораго убивались когда-то годы... Добро это мѣнялось на хлѣбъ и на жалкія лепешки изъ муки и разныхъ суррогатовъ, потому что ничего другого нельзя было достать.

Кусокъ конины считался роскошью, вяленая вобла — деликатесомъ.

Холодъ леденилъ столицу. Никѣмъ неубираемый снѣгъ выросталъ на улицахъ громадными валами, точно окопы возводила зима, готовясь къ рѣшительной битвѣ съ населеніемъ.

И не было дровъ. Полѣно расцѣнивалось такъ же дорого, какъ хлѣбъ. Обывателю приходилось разставаться съ мебелью — пузатыми комодами, шкафами и буфетами: креслами и стульями, помнившими дѣдовъ, чтобы хоть разъ въ сутки почувствовать дыханіе живого огня изъ печи...

Мракъ, холодъ и голодъ царили въ домахъ обывателей.

Уныніе, отчаяніе и животный страхъ передъ грядущимъ заполняли ихъ чрезмѣрные досуги...

Борухъ-Мендель тоже боролся съ голодомъ и холодомъ. Его дѣтскіе дома были переполнены дѣтьми. Дѣтей посылали отовсюду, потому что въ дѣтскихъ домахъ была пища.

Товарищъ Шакшиновъ рыскалъ по району, осаждалъ комиссаріатъ соціального питанія и съ полными грузовиками возвращался въ свой складъ.

Борухъ-Мендель уже не пытался даже вникнуть въ расчеты Шакшинова, а подписывалъ ему безконечное количество разныхъ бумагъ — отъ ордеровъ на полученіе продуктовъ по карточкамъ до ордеровъ на реквизицію этихъ продуктовъ въ частныхъ домахъ — у разныхъ бывшихъ купцовъ.

— Но я не имѣю права реквизировать, — попытался однажды заявить Борухъ-Мендель. — Идите къ товарищу Нелюбину.

— Тогда мы ничего не увидимъ изъ этихъ продуктовъ, товарищъ Мендель, — отвѣчали ухмыляясь Шакшиновъ. — У насъ сейчасъ кто поспѣлъ, тотъ и съѣлъ. Пишите прямо, дескать, реквизировать для дѣтскихъ садовъ и клубовъ района — и все. А я возьму нарядъ, — и готово дѣло. Время не терпитъ, товарищъ Мендель, и у насъ уже 3.000 голодныхъ ребятъ!

И Борухъ-Мендель подписывалъ. Шакшиновъ бралъ красногвардейцевъ и отправлялся на грузовикѣ по адресу, который онъ разнюхалъ своимъ ярославскимъ чутьемъ.

Дѣтей кормили. Кормились возлѣ нихъ воспитатели, и потому толпы жаждущихъ попасть на какія-нибудь должности «при дѣтяхъ» осаждали Боруха-Менделя съ утра до вечера.

Мечты о дѣтскихъ дворцахъ рушились. Забота о главномъ — о пищѣ и одеждѣ для дѣтей — занимала всѣ помыслы.

И оттого, что дѣйствительность грубо отодвинула прекрасныя мечты Боруха Менделя, онъ чувствовалъ облегченіе. Сейчасъ онъ не былъ способенъ воздвигать дѣтскіе дворцы и не могъ отдавать себя дѣтямъ.

Имъ крѣпко и прочно владѣла Настя...

II.

Настя налаживала жизнь по своему плану...

Борухъ-Мендель предоставилъ ей свободу дѣйствій и ни во что не вмѣшивался.

Настя добыла ордеръ на квартиру и рыскала нѣсколько дней по району, выбирая подходящую изъ числа покинутыхъ бѣжавшими богачами.

Наконецъ нашла. Противъ Маріинскаго театра въ домѣ генеральши Семеновой оказалась подходящая квартира: шесть уютныхъ, роскошно мебелированныхъ комнатъ, брошенныхъ какимъ-то гвардейскимъ полковникомъ.

Настѣ особенно понравился будуаръ — весь отдѣланный шелковымъ штофомъ точно гигантская бонбоньерка, и ванная комната, вся отдѣланная розовымъ мраморомъ.

Когда Настя вошла въ квартиру, въ ней работали агенты жилищнаго отдѣла.

Обязанностью ихъ было обыскивать квартиры богачей и забирать всѣ драгоценности, которыя находили они во время этихъ обысковъ.

Агенты трудились, взламывая въ кабинетѣ ящики огромнаго письменнаго стола, когда Настя окончательно рѣшила оставить квартиру за собой.

Вмѣстѣ съ этимъ рѣшеніемъ въ ней пробудились инстинкты собственника.

— Вы, товарищи, чего тутъ? — спросила. она высокомерно.

Четверо мужчинъ оторвались отъ работы — А вотъ столикъ вскрываемъ, — замѣ-
тилъ одинъ.

— Не стоитъ трудиться, товарищи, —
тѣмъ же тономъ заявила Настя. — Квартиру
занимаетъ комиссаръ товарищъ Мендель, а по-
тому вамъ больше здѣсь нечего дѣлать. Вотъ
ордеръ.

Агенты переглянулись и замялись.

— Такъ пусть товарищъ Мендель и зани-
маетъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ, — а мы
должны забрать дорогія вещи, которыя ежели
окажутся.

— Какъ бы не такъ! Товарищъ Мендель
забираетъ квартиру со всѣмъ, что въ ней есть.
А если вы тронете хоть что-нибудь, я вызову
сейчасъ товарища Нелюбина и тогда посмот-
римъ, что будетъ!

Замѣшательство агентовъ увеличилось.

— Да мы ничего, мы по службѣ. Ужъ
если такъ, то оставимъ пока столикъ... Тамъ,
можетъ быть, будутъ инструкціи какія... Ну,
что же, живите себѣ на здоровье...

Эти официальные грабители вербовались
больше всего изъ среды бывшихъ маклаковъ
и ломбардныхъ оцѣнщиковъ и не въ ихъ духъ
были воинственные выступленія. Одни имена
комиссаровъ дѣйствовали на нихъ угнетающе.

И агенты ретировались. Настя осталась
одна владѣтельницей квартиры богача.

Когда за агентами захлопнулась дверь,
въ глазахъ Насти зажглись хищные огоньки,
и она кинулась къ письменному столу.

Нѣсколько ящиковъ оказались открыты-
ми, и Настя торопливо заглянула въ нихъ.

Тутъ были бумаги и письма—вещи беспо-
лезныя,—и Настя выбросила ихъ на столъ. Но

зато въ дальнемъ углу одного изъ ящиковъ нашлись футлярчики, при видѣ которыхъ радостно и безпокойно забилося сердце протитутки-хищницы.

— Это — мое! — сказала она съ удовлетвореніемъ, открывая футляры.

Тамъ были кольца, браслеты, серьги, отдѣланныя брилліантами, рубинами и другими камнями, названія которыхъ даже не знала Настя.

Это было цѣлое богатство. Настя ссыпала драгоценности въ кучку и погрузила въ нихъ ладони, испытывая дѣтскій восторгъ.

— Что скажетъ мой Али, когда увидитъ меня во всемъ этомъ? Царица! Ты, Настенька, будешь совсѣмъ царицей! Нѣтъ, жизнь не такъ еще плоха, и хоть ухлопали большевички моего князюшку, а жить съ ними еще можно.

III.

Брошенная гвардейскимъ полковникомъ Баргунинымъ квартира приняла жилой видъ и преобразилась подъ ревнивымъ наблюденіемъ Насти.

Она быстро примѣнилась къ обстоятельствамъ и использовала все, что могло ей дать ея новое положеніе.

Она пускала въ ходъ всѣ свои ресурсы, чтобы добиться желаемыхъ результатовъ, и вскорѣ покорила совѣтъ. Не было комиссара сколько-нибудь равнодушнаго къ красивой подругѣ Боруха-Менделя, и всѣ, начиная отъ

предсѣдателя Израилевича и кончая комендантомъ зданія, готовы были услужить ей, чѣмъ могли.

Цѣлая толпа «буржуевъ» была пригнана на работу по очисткѣ квартиры. Нѣсколько дней рабы и рабыни совѣтовъ чистили потолки, вытряхивали ковры, мыли окна и натирали полы. Настя безъ всякаго стѣсненія пользовалась этой даровой рабочей силой.

Правда, она щедро кормила ихъ. Путь къ кладовымъ товарища Шакпинова былъ хорошо извѣстенъ Настѣ, и она хозяйничала въ нихъ на правахъ «комиссарши». Появлялась такъ-же просто, какъ раньше богатая барыня могла зайти въ любую лавку. Высматривала запасы и отбирала себѣ все, что приходилось по вкусу.

— Это, это, вотъ эти баночки консервовъ. А это горохъ? Гороху тоже... А тамъ сахаръ? Ну и сахару пару фунтовъ. Да не забудьте сала, товарищъ Шакшиновъ... Къ вечеру пришлите.

И исчезала, оставивъ ярославца въ полномъ обалдѣніи.

— Ну, и баба... Жохъ баба... И гдѣ нашъ мѣшокъ подцѣпилъ такую?

Покачаетъ головой Шакшиновъ, а къ вечеру мальчуганъ-помощникъ тащитъ Настѣ мѣшокъ. Въ немъ все, что было отобрано, да на прибавку еще плитка шоколада или чего-нибудь другого въ этомъ родѣ.

Борухъ-Мендель пребывалъ въ блаженномъ невѣдѣніи относительно хозяйственныхъ комбинацій Насти. Онъ не вмѣшивался въ ея дѣла такъ-же, какъ и когда то въ Москвѣ, и все, что дѣлала Настя, хотя и не всегда гармонич-

ровало съ его желаніями, но казалось неизбежнымъ.

Онъ безропотно переѣхалъ въ огромную квартиру Баргунина. Обстановка, ковры, роскошный будуаръ Насти его угнетали, и безъ Насти онъ ни минуты бы не остался въ этомъ домѣ, созданномъ кѣмъ-то ушедшимъ для себя...

Но Настя скрашивала все. Съ ней вездѣ было одинаково хорошо.

IV.

Для Боруха-Менделя совершенной неожиданностью оказалось новоселье, затѣянное Настей.

О новосельи онъ узналъ въ совѣтѣ отъ Нелюбина, зайдя къ нему по дѣлу.

Молодцеватый комиссаръ съ особенной многозначительностью потрясъ руку Менделя.

— Какой вы однако, товарищъ Мендель. Мы васъ считали тихоней, а выходитъ и вѣрно, что въ тихомъ омутѣ черти водятся... А?

Онъ зычно расхохотался и похлопалъ по плечу Боруха-Менделя.

— И еще какіе хорошенькіе черти!

И тонъ и особая фамиллярность непріятно рѣзали душу. Борухъ-Мендель попробовалъ отшутиться:

— Черти всегда приходятъ къ святымъ, — но понялъ, что сострилъ неудачно, и стало еще непріятнѣе.

— Ха... ха... ха... Вотъ именно.. Эхъ, и хороша же ваша подруга... Не будь я товари-

шемъ, приударилъ бы за ней, честное слово! Да что я! Самъ Израилевичъ готовъ побѣгать за ней... Самъ говорилъ мнѣ, честное слово... Ну, ну, ладно, не хмурьтесь, ревнивецъ, — никто не посягнетъ на вашу собственность... А вечеромъ, значить, нагрянемъ къ вамъ...

— Вечеркомъ? — поднялъ брови Борухъ-Мендель.

— Сегодня, конечно. Прекрасная ваша Дульцинея именно сегодня пригласила на новоселье. Эхъ, и спрыснемъ же переселеніе изъ хижины во дворецъ...

Борухъ-Мендель ушелъ разстроенный и встревоженный изъ кабинета коллеги. Настя могла бы хоть предупредить его... И потомъ, какое веселье въ такое время, когда вокругъ холодъ и ужась?

И это несоотвѣтствіе съ моментомъ настроеній Насти больно ранило душу.

Возвращаясь домой, онъ, какъ всегда, видѣлъ изможденныхъ голодныхъ людей и, проходя мимо нихъ, онъ чувствовалъ себя очень нехорошо, точно виноватымъ передъ ними.

Онъ не пошелъ въ клубы, а прямо изъ совѣта направился домой. Ему хотѣлось поговорить съ Настей серьезно и обстоятельно...

Онъ открылъ дверь собственнымъ ключомъ, вошелъ и раздѣлся въ передней. Двери въ столовую были открыты и въ ней не было никого.

Борухъ-Мендель прошелъ столовую. Шумъ шаговъ заглушали ковры... Рядомъ была гостиная, а дальше будуаръ Насти—ихъ общая спальня...

Сквозь портьеру Борухъ-Мендель услышалъ голоса: веселый, беззаботный и звонкій голосъ Нasti и знакомый мужской. Борухъ-Мендель остановился въ нерѣшительности возлѣ дверей.

«Подслушать!» точно шепнулъ кто-то повелительный и злорадный. Краска стыда пробилась на щекахъ Боруха-Менделя, и онъ торопливо отступилъ отъ портьеры.

Нѣтъ, пускай она говорить съ кѣмъ угодно — худого въ этомъ ничего нѣтъ... Развѣ она не можетъ пригласить кого-нибудь къ себѣ?

А сердце все-таки сжималось болью и снова вспоминался тотъ наглый черниговецъ, который все повернулъ по другому въ Москвѣ...

Борухъ-Мендель опять вернулся къ портьерѣ и рѣшительно раздвинулъ ее.

Ничего особеннаго. Въ будуарѣ сидѣлъ на кончикѣ стула Шакшиновъ въ шубѣ, весь красный и неловкій такой. Увидѣвъ Боруха-Менделя, онъ вскочилъ и вытянулся точно солдатъ передъ начальствомъ.

— Ахъ, Али!

Этотъ возгласъ, радостный и честный, внесъ успокоеніе въ душу Боруха-Менделя. Онъ привѣтливѣе взглянулъ на Шакшинова, а Ярославъ чувствовалъ себя точно на раскаленныхъ угольяхъ.

— Я, товарищъ Мендель... исполнялъ порученіе вашей... супруги, — еле пролепеталъ онъ.

Настя залилась звонкимъ хохотомъ.

— Какой онъ забавный! — потѣшалась она. — Такой большой и красивый малый, а оробѣлъ, какъ мальчишка! И вамъ не стыдно, товарищъ Шакшиновъ?

Шакшиновъ уклонился отъ отвѣта.

— Я пойду ужъ, — не глядя ни на кого, сказалъ онъ.—И все будетъ исполнено, какъ вы пожелали...

— Ну идите. Да смотрите, чтобы все было въ порядкѣ, а то и на глаза не показывайтесь...

— Будьте покойны, — уже за дверью отозвался Шакшиновъ.

Особая деликатность натуры мѣшала Боруху-Менделю спросить, почему здѣсь очутился Шакшиновъ. Но Настя видѣла, что это занимаетъ его мысли. Она подошла и положила руки на плечи Боруха-Менделя.

— Ты сердишься, Али?

— Ничуть... Только почему ты мнѣ не сказала, что созываешь сегодня гостей?

— Я хотѣла устроить тебѣ сюрпризъ, — отвѣтила она, но Борухъ-Мендель уловилъ неискренность въ ея тонѣ.

— Нѣтъ, Настенька, — покачать онъ головой, — ты по другой причинѣ скрыла это отъ меня.

Она не вынесла его взгляда, отошла, и тѣни недовольства и раздраженія пробѣжали по ея лицу.

— Ну да, я боялась, что ты все испортишь, — рѣзко сказала она. — Ты... ты... все еще святоша!

Давно Борухъ-Мендель не слыжалъ такихъ нотокъ въ голосъ Насти. Въ ней просыпалось упрямство избалованной женщины, живущей только для себя. Отъ этого настроенія бытъ прямой переходъ къ бурѣ, къ дикой вспышкѣ ярости и къ истеріи. Борухъ-Мендель зналъ это.

— Все это очень плохо, Настенька, — осторожно сказалъ онъ. — У тебя будетъ вино и какое-нибудь угощеніе?

— Конечно, какъ у людей! — съ достоинствомъ бросила Настя. не понявъ вопроса. — Не думаешь-ли ты, что я ударю лицомъ въ грязь?

О, вѣтъ, объ этомъ не думалъ Борухъ-Мендель! Онъ горько улыбнулся.

— И это нехорошо, Настя... Пойми, вокругъ голодъ.. Отъ голода гибнуть дѣти... А мы уничтожимъ напрасно какіе-то продукты, которые...

Но Настя вышла уже изъ равновѣсія. Ея лицо покраснѣло и стало некрасивымъ отъ злобы, рвавшейся изъ глубины души...

— А какое мнѣ дѣло до всего этого?! Или можетъ быть ты думаешь, что я откажусь отъ куска хлѣба, чтобы бросить его твоимъ голодающимъ? Да провались ты съ нами вмѣстѣ къ чорту! Если ты хочешь святость разводить, то иди въ монастырь, а не сиди въ комиссарахъ! А я жить хочу! Понялъ?

Все вульгарное рвалось изъ нея... Это была уже обозленная проститутка, а не нѣжная любящая Настя. Слова ея ударили Боруха-Менделя по сердцу, точно бичомъ... Онъ хотѣлъ уйти, и не было силы... хотѣлъ говорить, и не было словъ...

— Настенька, — вырвалось тяжелой укоризной, и онъ опустился на мягкій круглый пуфъ, чувствуя непомѣрную тяжесть во всѣхъ членахъ...

— Что, Настенька?! Я тридцать лѣтъ уже Настенька. — Пойми, что я не такая, какъ всѣ, и никогда не стану голодать! Чортъ! Да я стервятникомъ оборочусь, а буду жить! Пони-

маешь? Такая ужъ я есть... Жизнь меня билла, и я ее быю, пока хватить силъ... И ты бери меня такой, какая я есть, а иначе намъ съ тобой не по пути! Люблю я тебя, и хочу чтобы наша жизнь была сказкой, а до другого мнѣ нѣтъ дѣла! Не хочешь ты моей любви, такой любви — я сумѣю уйти...

Буря острыхъ разнообразныхъ чувствъ бушевала въ душѣ Боруха-Менделя. Она не понимала его, не могла понять... Уйти, пока не поздно, вырвать любовь изъ души и кинуть ее какъ жертву тѣмъ, кому онъ служилъ? Да, это былъ выходъ, и на минуту Борухъ-Мендель представилъ себя однимъ безъ Насти. Но почему сразу ночь и мракъ окружили его, почему стало страшно этого мрака?

И Борухъ-Мендель сейчасъ почувствовалъ всю непоощадную тяжесть своей любви — великое, непосильное бремя, придавливающее его къ землѣ.

А безъ этого бременя не было и жизни...

V.

У Боруха-Менделя вечеромъ было засѣданіе культурно-просвѣтительной комиссіи. Разрабатывался планъ созданія школъ грамоты для взрослыхъ и сѣти библіотекъ.

Но вопросамъ этимъ удѣлили мало времени. Комиссаръ соціального обезпеченія Гельфандъ, забѣжавшій на засѣданіе послѣ собранія районнаго исполкома партіи, сообщилъ мрачныя новости съ фронтовъ — о новыхъ успѣхахъ Деникина и о создающейся подѣ

покровительствомъ Антанты новой бѣлой арміи для натиска на Петроградъ съ запада—отъ Лябавы.

Это отвлекло вниманіе комиссіи отъ основныхъ вопросовъ. Впрочемъ, каждый изъ собравшихся понималъ, что школы грамоты и библіотеки — пустой звукъ: мрущему отъ голода и холода населенію столицы нужны онѣ были, какъ покойнику отопленіе.

Маленькій, черный, подвижной, точно на шарнирахъ, съ глазами, всегда полными огня, Гельфандъ овладѣлъ вниманіемъ комиссіи:

— Библіотеки и читальни, товарищи, безполезныя игрушки сейчасъ... Забавляться ими намъ позволятъ, но все вниманіе партіи сейчасъ на военномъ комиссариатѣ. И будутъ у насъ не школы грамоты въ первую очередь, а — всеобщее военное обученіе. Предсѣдатели совѣтовъ уже имѣютъ инструкціи о привлеченіи къ этому обученію всѣхъ совѣтскихъ служащихъ, партійцевъ и рабочихъ. И мы съ вами, товарищъ Мендель, скоро замаршируемъ съ винтовкой на плечѣ: разъ-два! разъ-два!

Онъ хлопнулъ Менделя по плечу и весело разсмѣялся, сверкая ослѣпительно-бѣлымъ оскаломъ зубовъ.

— Развѣ положеніе такъ серьезно?—спросилъ завѣдующій библіотеками учитель Меркуловъ.

— Революція въ опасности — лозунгъ, выкинутый давно. Антанта противникъ серьезный, но центръ тяжести не въ ея силахъ, а въ деньгахъ. Пушечное мясо вербуетъ бывший князь Ливенъ за счетъ Антанты. Подбирается банда изъ надежныхъ людей — изъ бывшихъ офицеровъ, буржуевъ и капиталистовъ. Это серьез-

нѣе, чѣмъ войска Антанты... Здѣсь не поможетъ агитація и придется драться до конца: или мы, или они!

Война классовая, товарищъ Меркуловъ, и можетъ кончиться лишь полной побѣдой одной стороны и окончательнымъ разгромомъ другой. Не забывайте словъ товарища Троцкаго: «если мы не перегрыземъ горла бѣлымъ—бѣлые перегрызутъ наше!»

— И Петроградъ можетъ оказаться въ опасности?

— Довольно легко. Но красный Питеръ постоятъ за себя, товарищи! Это уже дѣло товарищей Троцкаго и Зиновьева... А мы будемъ пока говорить о школахъ грамоты... Каждому — свое!

Возвращаясь домой съ засѣданія, Борухъ-Мендель думалъ о бѣло-красной войнѣ и о вечерянкѣ, затѣянной Настей. И была странная ассоціація между этими двумя непомѣрно-разными явленіями: два міра, чуждыхъ другъ другу, соприкосновеніе которыхъ вызываетъ бурю.

Какое мѣсто могъ занять Борухъ-Мендель въ бѣло-красной борьбѣ? Никакого! Онъ могъ служить идеѣ, стремиться претворить ее въ жизнь, но война, какъ и всякое проявленіе вражды, была чужда ему... Люди должны подойти собственнымъ сознаніемъ къ одѣлкѣ своихъ дѣйствительныхъ выгодъ, и насилію здѣсь не мѣсто... Нельзя притянуть человѣка за волосы къ лакомому блюду и сказать ему: «Ѣшь». Всякое лакомство потеряетъ вкусъ для такого человѣка...

Такъ же и въ его отношеніяхъ съ Настей. Онъ стремился къ тому, чтобы она поняла его, и сама подошла къ его міросозерцанію... Со

стороны же Нasti онъ встрѣчалъ элементъ насилія: она хотѣла втолкнуть его въ міръ своихъ бурь, авантюръ, тащила за собой на цѣпи его любви, его великой и единственной любви.

Темень и пустыненъ былъ городъ. Горы снѣга загромождали улицы, оставляя только возлѣ тротуаровъ узкіе проѣзды. Ихъ кое-какъ расчищали, скидывая снѣгъ на середину... Жуткая тишина царила на улицахъ. Темныя окна мертвыми глазами глядѣлись въ застывшую пустоту точно вымершей столицы. Свѣтился огнями лишь особнякъ противъ памятника Глинки — клубъ и общежитіе коммунистовъ района — и рядомъ въ третьемъ этажѣ огромнаго темнаго дома, занимавшаго полквартала — вплоть до Екатерининскаго канала — сіялъ цѣлый этажъ — его квартира, его — Боруха-Менделя изъ Рудогая!

Борухъ-Мендель не сразу вошелъ въ подъѣздъ.

У него было желаніе уйти отъ этого дома и этихъ огней наверху, подчеркивающихъ какое-то безстыдное, наглое торжество, торжество случайныхъ побѣдителей надъ миллионами, погруженными въ трауръ мрака.

VI.

Но онъ не ушелъ, а поднялся по темной лѣстницѣ, влекомый все той-же непомѣрно-могучей силой, притягивавшей его къ Настѣ и дѣлавшей рай изъ ада — лишь бы она была въ этомъ аду.

Онъ открылъ дверь собственнымъ ключомъ и вошелъ въ освѣщенную переднюю. Прямо были двери въ столовую, и оттуда доносились звонъ гитары и голосъ Насти, пѣвшей что-то зазорное, лихое и безшабашное...

Борухъ Мендель скинулъ пальто — чье-то теплое офицерское пальто, случайно купленное на базарѣ, — и подошелъ къ столовой.

Двери были открыты, и только тяжелая портьера отдѣляла его отъ комнаты.

Голосъ Насти замеръ въ зазорномъ возгласѣ:

— Э-эхъ...

Струны гитары грохнули дикимъ аккордомъ, и раздались рукоплесканія...

— Ай-да, товарищъ Настя! Ну и бабенка же вы, милая моя!

Это пророкоталъ тономъ восхищенія голосъ Нелюбина. Послышался гулъ голосовъ, задвигались стулья по паркету...

— Стойте! Сейчасъ спою другую! По мѣстамъ!

Борухъ-Мендель раздвинулъ портьеру и вошелъ.

Настя сидѣла на столикѣ возлѣ буфета, заложивъ ногу за ногу. На ней былъ ослѣпительный бальный туалетъ, открывавшій шею и красивыя полныя руки... Въ ушахъ, на пальцахъ, на рукахъ сверкали брилліанты, и сама она сверкала возбужденіемъ, казалось пропитавшимъ ее насквозь — вплоть до лакированныхъ ногтей, нервно щипавшихъ струны гитары.

— А, Боренька! Наконецъ-то!

Она бросила гитару и кинулась къ Боруху-Менделю. Повисла по обыкновенію на шеѣ.

— Какъ ты долго не приходилъ! Я успѣла соскучиться.

Нелюбинъ, красный отъ выпитаго вина, сказалъ не безъ зависти:

— Повезло же вамъ, товарищъ Мендель. Этакую любовь послала судьба!

— Ты усталъ и голоденъ? Да? Идемъ скорѣе къ столу, Али... Ахъ, да, этотъ гражданинъ незнакомъ тебѣ. Познакомься: гражданинъ Невзоровъ... Только гражданинъ, на кличку «товарищъ» не откликается...

Настя потащила Боруха-Менделя къ столу, заставленному дорогимъ хрусталемъ, бутылками и всякой снѣдью. Навстрѣчу Менделю поднялся высокій худощавый челоуѣкъ и протянулъ руку. У него было бритое лицо очень правильное и тонкое. Въ глазахъ и углахъ тонкихъ губъ, казалось, пріютилась насмѣшка — что-то вродѣ смѣси ироніи съ презрѣніемъ.

— Да, только гражданинъ, — подтвердилъ Невзоровъ, пожимая руку Боруху-Менделю.

Остальные были свои: Нелюбинъ, Шакшиновъ, завѣдующій домомъ пролетарскихъ дѣтей Костинъ — съ бородой подъ Александра III, лысый, съ желтымъ тощамъ лицомъ — черепъ, обтянутый кожей.

— Компанія въ сборѣ, — пробасилъ Нелюбинъ, — а потому надо выпить. Рекомендую, товарищъ Мендель, мадеру. Изъ погребовъ Зимняго Дворца. Когда-то попивалъ это вино Николай Романовъ, а теперь пьемъ мы... За ваше здоровье! Не такъ-ли, гражданинъ Невзоровъ? Роли перемѣнились, а?

— Правильно, товарищъ Нелюбинъ, — отозвался Невзоровъ. — Будемъ уничтожать награбленное, какъ сказалъ товарищъ Ленинъ.

Тонкая усмѣшка змѣйкой пробѣжала по его лицу. Нелюбинъ поморщился.

— икакъ не могу понять васъ, гражданинъ... Вы выражаетесь какъ-то загадочно...

— А что же тутъ загадочнаго? — улыбнулся Невзоровъ и протянулъ стаканъ въ сторону Менделя. — Развѣ я говорю загадками, товарищъ Мендель? Вѣдь самъ Ленинъ сказалъ: «грабь награбленное!» Я комментирую и развиваю эту мысль. Ваше здоровье...

— Чортъ васъ знаетъ, Невзоровъ, — пробурчалъ Нелюбинъ, — иногда вы кажетесь нашимъ, а иногда отъ васъ пахнетъ бѣлогвардейцемъ. Вотъ я о чемъ. Ну выпьемъ, ладно!

— Не устоялся еще, очевидно. Нахожусь въ періодѣ броженія, какъ и вся наша добрая страна.

VII.

Настя подкладывала на тарелку Боруха-Менделя кушанья, всецѣло занявшись имъ. Она не безъ гордости во взорѣ пододвинула къ нему коробку омаровъ и страсбургскій пирогъ...

— Видишь, какія у насъ прелести, — не могла удержаться она, чтобы не похвастать. — Кушай, Али, милецкій мой...

На столѣ, дѣйствительно, было много всякой всячины: колбасы разныхъ сортовъ, куски окорока, какіе-то пирожки, сыръ и въ вазахъ конфеты и орѣхи. Столъ блисталъ сервировкой. На бѣлоснѣжной скатерти, кое-гдѣ уже забрызганной виномъ, дробилъ искры свѣта хрусталь, и сверкалъ дѣвственной чистотой дорогой фарфоръ. Тяжелые ножи и

вилки были серебряные. Все это, вплоть до салфетокъ, нашла Настя въ буфетахъ Баргунина и завладѣла имуществомъ на правахъ побѣдительницы въ битвѣ съ агентами товарища Нелюбина.

Борухъ-Мендель невольно нахмурилъ брови при видѣ всей этой роскоши. Непріятное чувство присосалось къ сердцу. Здѣсь было столько съѣстного, что пѣсколько семей голодныхъ могло бы кормиться всѣмъ этимъ чуть ли не недѣлю... А вина и все остальное!.. Пиръ во время чумы? Нѣтъ, тамъ передъ лицомъ смерти пировали гордые патриціи, а здѣсь... Боруха-Менделя обдала холодомъ отвращенія непріятная мысль: эта компанія была похожа на шайку пиратовъ, пирующихъ на борту только что захваченнаго корабля. Корабль приведенъ въ негодное состояніе, экипажъ его частью перебитъ, частью томится въ мрачныхъ трюмахъ безъ куска хлѣба и глотка воды, а пираты расположились въ каютѣ капитана, пьютъ и ѣдятъ награбленныя яства на ограбленномъ фарфорѣ, на краденомъ серебрѣ. И онъ, Борухъ-Мендель, съ ними...

Горькая улыбка шевельнула его губы. У него пропало желаніе кушать и пить...

А Настя отпорхнула отъ него, какъ непосѣдливая затѣйливая бабочка, и была уже возлѣ Невзорова и Нелюбина. По ея лицу, по ея восторгу и возбужденію Борухъ-Мендель видѣлъ, что она счастлива, что она — въ своей стихіи, въ той именно атмосферѣ, гдѣ только могла найти удовлетвореніе ея бурная авантюристическая натура.

— Товарищъ Настя, вы общали пѣсню, голубушка, — глядя на нее масляными глазами, напомнилъ Нелюбищъ. Шакшиновъ, чув-

ствовавший себя крайне неловко въ присутствіи своего комиссара, поддержалъ просьбу.

— Пѣсню? Ладно...

Настя, сверкнувъ глазами, отбѣжала въ сторону, подхватила съ пола гитару и взвизгнула съ ужимками самой отчаянной шансонетки, «любимицы» публики.

Я шансонетка-а...

Поберегись!

Стрѣляю мѣ-ѣтко

Не попадись...

Неприличная, полная пошлыхъ намековъ шансонетка въ ея исполненіи выходила игрой, волнующей чувства подвыпившихъ мужчинъ. Нелюбинъ, отваливъ на спину стула, пожиралъ Настю глазами. На лицѣ Невзорова пропала презрительность.

— Ай-да товарищъ Настя!

— Это по нашему! Славно!

Нелюбинъ вскочилъ съ мѣста и бросился къ Настѣ.. Настя, разгоряченная виномъ и пѣснями, кокетливо увернулась отъ него, но метнула огненный взглядъ

— Товарищъ Нелюбинъ ухаживаетъ за своей богиней-революціей — аллегорическая картина, — раздался насмѣшливый возгласъ Невзорова!

— Вы опять со своими двусмысленностями, — разсердился Нелюбинъ.. — Чортъ возьми, однако.. Если рѣчь зашла о революціи, такъ надо и ей честь отдать. Ну, товарищи, дружно!

Онъ всталъ въ позу дирижера, слегка покачиваясь грузнымъ тѣломъ.

Вставай проклятемъ заклеянный
Весь міръ голодныхъ и рабовъ...

Шакшиновъ откликнулся ему фальшивымъ теноромъ. Пьяненькій Костинъ присоединилъ къ нему свое какое-то особенное козлиное блеяніе. Все вышло шумно, но нескладно и рѣзало слухъ.

Невзоровъ бросилъ Боруху-Менделю:

— Какъ величественно, не правда-ли!

Нелюбинъ ревѣлъ пѣсню, не считаясь съ остальными пѣвцами, и размахивалъ ладонью, точно дѣлалъ месмерическіе пассы. И пѣвцы мало обращали вниманія на дирижера. Пѣли и путали слова и мотивъ до тѣхъ поръ, пока не запутались окончательно. Пѣсня смолкла, забредя въ тупикъ.

— Ни черта съ вами не споешь!—засмѣялся Нелюбинъ.

— А вы, товарищъ, попробуйте «Боже, щаря храни!» Можетъ, выйдетъ лучше...

— Это почему? — изумился Нелюбинъ.

— Привычѣе. Больше пѣть приходилось...

Нелюбинъ покраснѣлъ. Въ глазахъ вспыхнулъ дикій огонь.

— Всему есть границы, гражданинъ! — крикнулъ онъ черезъ комнату. — Остерегитесь! Мнѣ приходилось и за меньшее пристѣлывать болтуновъ.

— Вѣрю,—спокойно отозвался Невзоровъ. — Но чего вы кипятитесь? Я полагаю, служа офицеромъ у Николая Романова, вы должны были и пѣть его гимнъ...

Настя поняла, что дѣло могло дойти до скандала. Нелюбинъ изъ краснаго сталъ бѣлымъ, и рука его потянулась къ заднему карману галифе.

— Стѣй! Довольно! — кинулась къ нему Настя. — Ссориться я не позволяю никому. Слушайте вы, жалкіе мужчины! Отъ вашихъ рѣчей у меня прокисло все внутри. Неужели никто изъ васъ не сумѣетъ найти хорошее развлеченіе? Развѣ нѣтъ мѣста, напримѣръ, куда бы мы могли поѣхать повеселиться?

Нелюбинъ метнулъ послѣдній мрачный взглядъ на Невзорова... Лицо его немного прояснилось.

— Вѣрно, товарищъ Настя! Мы, право, никуда не годимся. Поѣхать куда-нибудь можно. Къ «Медвѣдю», что-ли?

Компанія была готова на все. Одинъ Невзоровъ отрицательно покачалъ головой.

— Тамъ гнѣздо Зиновьева... Намъ можетъ оказаться тѣсно. Лучше въ «Хуторокъ» — и ближе и свободнѣе.

— Это вѣрно, «Хуторокъ» лучше, — подтвердилъ Шакшиповъ.

— Уютнѣе, — добавилъ Костинъ,

— «Хуторокъ», такъ «Хуторокъ»! — рѣшила Настя. — Мнѣ хоть къ чорту на рога — лишь бы было весело...

Въ передней раздался стукъ въ наружную дверь.

— Ну, еще кого-то несетъ на огонекъ! — пробасилъ Нелюбинъ...

Настя выбѣжала въ переднюю. Черезъ минуту вернулась.

— Тебя спрашиваетъ какая-то женщина, Али, — сказала она, и нотки ревности ясно прозвучали въ ея голосѣ. — Чего ей нужно?

VIII

Борухъ-Мендель вышелъ въ переднюю. Тамъ стояла Тешихина. Ея птичье лицо выражало изумленіе и любопытство. Должно быть, воркій глазъ этой женщины проникъ уже сквозь пергьеру въ столовую.

— У васъ весело, — сказала она съ ехидной улыбочкой. — А я къ вамъ, товарищъ Мендель, по экстренному дѣлу.

Борухъ-Мендель пригласилъ ее въ кабинетъ.

Товарищъ Тешихина вошла и окинула однимъ быстрымъ взглядомъ обстановку, тѣмъ взглядомъ, который въ мигъ одинъ запечатлѣвается въ памяти женщины всѣ мелочи видѣннаго.

— Вы устроились теперь лучше, товарищъ Мендель... Конечно, комиссару пельзя иначе... А я вотъ по какому дѣлу къ вамъ... Мнѣ нуженъ экстренно врачъ. Въ дѣтскомъ саду непріятное происшествіе — ошпарился ребенокъ горячей кашей. Домашняя аптечка безсильна — случай серьезный очень, и нуженъ врачъ... Я была у доктора Геда, но онъ не пожелалъ идти со мной. Говорить: «если будетъ распоряженіе отъ комиссара — я поѣду, но не иначе». Ну, какой же это совѣтскій врачъ? Я давно говорила, что намъ нужно завести для нашихъ учрежденій своихъ врачей.. Правда,

докторовъ нѣтъ, но ихъ можно найти... Вотъ хотя бы молодой лѣкарь Озолинъ, о которомъ я говорила.

Боруху-Менделю былъ непріятенъ этотъ визитъ. Нужно же было ей явиться въ этотъ именно вечеръ!

— Хорошо, я напишу записку къ товарищу Геду. Но вы напрасно обижаетесь на него: такой порядокъ дѣйствительно заведенъ врачебнымъ отдѣломъ, и каждое требованіе должно быть подписано отвѣтственными лицами. Я сейчасъ напишу вамъ.

Борухъ-Мендель сѣлъ за столъ, вынулъ клочокъ бумаги и написалъ записку врачу. Едва онъ успѣлъ подписать подъ ней свое имя, какъ въ кабинетъ вошла Настя.

— Что ты такъ долго, Али? Зачѣмъ пришла эта женщина?

Она дышала съ трудомъ и смѣрила Тепихину взоромъ, потемнѣвшимъ отъ ревности. Женщина съ птичьимъ лицомъ отвѣтила ей насмѣшливымъ взглядомъ, говорившимъ: «а, я понимаю теперь все». Но словами она выразила другое:

— Развѣ я должна говорить еще и третьимъ лицамъ о своемъ дѣлѣ? — задала она полуироническій, полусерьезный вопросъ Боруху-Менделю.

Все это было глупо и неловко. Спокойный и уравновѣшенный Борухъ-Мендель чувствовалъ себя мальчишкой, попавшимъ въ бѣду и не знавшимъ, какъ выйти изъ положенія.

— Настенька, я сейчасъ приду... Иди къ гостямъ.

Но въ Настѣ говорили вино и ревность. Она рѣшительно потрясла головой.

— Какъ бы не такъ... Пускай она сперва уйдетъ.

У Тешихиной дергались мускулы лица отъ внутренняго злораднаго смѣха. Она взяла записку изъ рукъ Менделя и кивнула головой.

— До свиданія, товарищъ Мендель! Благодарю васъ... Желаю вамъ веселиться...

И сколько яда, сколько унижительной насмѣшки было въ этихъ словахъ. Борухъ-Мендель покраснѣлъ, точно отъ удара бича...

«Теперь сплетня совѣта станетъ сказкой района, — подумалъ онъ, затворяя дверь за Тешихиной.—И почему этой именно женщиныъ удается видѣть все, что не нужно?»

IX.

Компанія въ столовой уже собралась въ путь. У мужчинъ торчали изъ кармановъ горлышки бутылокъ. Пьяный Нелюбинъ размахивалъ почему-то огромной пачкой керенокъ.

— Гуляй, ребята! У коммуниста Нелюбина хватитъ на всѣхъ...

— У гражданина Невзорова тоже,—спокойно отозвался Невзоровъ. — Засуньте вы ихъ лучше обратно за голенище... У меня складъ керенокъ не меньше. Найдутся и николаевскія!

— Въ «Хуторкѣ» уважають николаевскія,—авторитетно замѣтилъ Шакшиновъ.

— У коммуниста Нелюбина найдутся и николаевскія! — хвастливо отозвался Нелюбинъ... Ну, разъ забрали про запасъ коньячишко — можно и тронуться... Автомобиль

прибудетъ сейчасъ — я звякнулъ уже по телефону.

Боруха-Менделя никуда не тянуло. Онъ съ наслажденіемъ остался бы дома. Но Настя и слышать объ этомъ не хотѣла. Пришлось Боруху-Менделю надѣть свою шинель. Нелюбинъ сунулъ и ему въ карманъ бутылку.

— Тамъ иногда не хватаетъ напитковъ, — сказалъ онъ. — Собственно, пойло найдется всегда, но не высокой марки... Надо захватить съ собой — пригодится.

Такой шумной компаніи давно не слышало эхо темной лѣстницы барскаго дома. Пьяные голоса и смѣхъ наполнили ее гамомъ сверху до низу. Впереди спускался Нелюбинъ свѣтя карманнымъ фонарикомъ за нимъ Костинъ и Шакшиновъ... Невзоровъ шелъ позади Боруха-Менделя, замыкая шествіе...

Швейцаръ дожидался уже внизу, выгнанный шумомъ изъ своей каморки подъ лѣстницей. Онъ открылъ двери и распахнулъ ихъ настежь.

— Молодецъ, — одобрилъ Нелюбинъ. — Погоди-ка... На тебѣ за труды...

И въ рукахъ швейцара оказалась бутылка коньяку — можетъ быть того самаго, что подавали и къ царскому столу въ исключительныхъ случаяхъ.

Привлеченный шумомъ подошелъ милиціонеръ съ угла, дежурившій возлѣ районнаго участка.

— Граждане, по какому случаю? Кто такіе? задалъ онъ вопросъ, но узналъ Нелюбина и сказалъ подобострастно: — а, это вы, товарищъ Нелюбинъ? Здравствуйте!

— Здорово, товарищъ... Пособи-ка намъ забратсья въ автомобиль...

Х.

«Пролетарскій хуторокъ» — былъ притомъ самаго страннаго свойства. Когда-то онъ былъ чиннымъ рестораномъ, въ которомъ собирались нѣмцы-конторщики и мелкіе чиновники по случаю получки жалованья или товарищескихъ юбилеевъ...

Во время войны ресторанъ захирѣлъ, а послѣ октябрьской революціи группа офицантовъ устроила коллективъ и открывала... «Пролетарскій Хуторокъ». И закипѣлъ «Хуторокъ» жизнью.

Матросы и красногвардейцы кутили здѣсь съ особеннымъ шумомъ и трескомъ. Въ «Хуторкѣ» можно было получить всѣ запретныя напитки, лишь бы было чѣмъ заплатить за нихъ. А платили чѣмъ угодно, начиная отъ полотнищъ керенокъ и кончая брилліантами, золотомъ и серебромъ — въ этомъ отношеніи хозяева «Хуторка» были покладисты и брали все, что предлагали имъ подгулявшіе гости.

Милиція знала о кутежахъ въ «Хуторкѣ», но показывала туда носъ только въ томъ случаѣ, если ее вызывали. А вызывали ее тогда, когда приходилось убрать чье-нибудь тѣло, чрезмѣрно пострадавшее въ горячей схваткѣ. Случаи эти были нерѣдки: гости «Хуторка» не жалѣли патроновъ и расходовали ихъ съ тѣмъ большей охотой, чѣмъ больше градусовъ гуляло въ ихъ буйныхъ головахъ.

Когда прибыла наша компанія, въ «Хуторкѣ» стоялъ дымъ коромысломъ. Въ длинномъ низкомъ залѣ въ сизой мути табачнаго дыма расплывались кучки людей, лѣпившихся возлѣ столиковъ. Отъ говора гудѣло точно въ банѣ, только было значительно шумнѣе. Слышались дикія завыванія пьяныхъ хоровъ — разныя пѣсни въ разныхъ концахъ зала.

Шумъ и смрадъ тяжело обрушились на голову Борука-Менделя. Ему казалось, что и Настя не выдержитъ такой обстановки и повернетъ обратно. Но взглянувъ въ лицо Насти, онъ изумился.

Настя точно попала въ родную стихію. Ноздри ея раздулись, глаза искрились возбужденіемъ. Обстановка не только не поразжала ее, не отталкивала, а точно привлекала, засасывала.

— О, да и густо же тутъ! — вырвался у нея возгласъ, въ которомъ слышались одобреніе и удовольствіе.

Нелюбинъ и Невзоровъ теперь шли впереди, прокладывая дорогу среди столовъ. Пришлось буквально проталкиваться между стульями, задѣвая за ноги и за локти сидѣвшихъ кутиль. Ни одного трезваго лица не было среди нихъ. Женщины, находившіяся почти въ каждой компаніи, тоже не создавали исключенія.

Свободнаго столика не было. Но Нелюбина и Невзорова хорошо знали въ «Хуторкѣ»: распорядитель вытащилъ изъ-за буфета свой столикъ, служившій конторкомъ. Появились стулья, скатерть, и все было въ порядкѣ.

У Борука-Менделя начинала болѣть голова: сдавливало виски тяжелой, свинцовой болью. Онъ опустился на стулъ рядомъ съ

Настей унылый и чуждый всему окружающему, думая лишь о томъ, когда кончится этотъ дикій вечеръ.

Очень шумная группа моряковъ начала раздвигать столы посерединѣ зала, очищая площадку для танцевъ. Послышались протесты потревоженныхъ гостей, проклятья, ругательства.

— Даетъ мѣсто, товарищи! Посторонись...

— Легче! Легче, тебѣ говорить...

— Обыкновенно дѣло кончается въ такихъ случаяхъ перестрѣлкой,—наклоняясь къ Настѣ сказалъ Невзоровъ. — Вы не боитесь?

— Нисколько. Въ насъ же стрѣлять не будутъ.

— Ну, пуля не спросить разрѣшенія — можетъ пожаловать въ любое время.

— А, шальная! Ну если шальной пули бояться, такъ и носа изъ дому нельзя казать!

— Ого, какая вы смѣлая! Мнѣ не хотѣлось бы васъ видѣть убитой. Но какъ васъ звать-то? Скажите ваше имя и отчество.

— А зачѣмъ? — задорно улыбнулась Настя. — Зовите просто Настей.

— Хорошо. Такія, какъ вы, женщины много могутъ сдѣлать...

Нелюбинъ выгрузилъ на столъ бутылки и ушелъ заказывать ужинъ. Остальные смотрѣли, какъ на очищенной серединѣ зала грузно и неповоротливо начали топтаться моряки, исполняя какой-то вѣдомый только имъ однимъ танецъ.

Откуда-то появился скрипачъ — невзрачный человѣкъ, вѣрнѣе тѣнь человѣка, до того онъ былъ блѣденъ и истощенъ. Скрипка дрожала въ тонкихъ костлявыхъ пальцахъ, и

смычокъ почти не повиновался усиліямъ музыканта. Онъ игралъ, а подъ эту музыку грузно топали о полъ матроскіе сапоги.

Невзоровъ бросилъ украдкой взглядъ на Боруха- Менделя. Злосчастный комиссаръ тоже смотрѣлъ усталымъ, ничего невидящимъ взглядомъ въ сторону танцоровъ

— Настя, вы любите опасности? — спросилъ Невзоровъ.

— Я люблю прежде всего золото и деньги, — засмѣялась Настя. — А опасности, кто ихъ любить?

— А если опасности несутъ много золота и много денегъ? — сверля ее взглядомъ, снова спросилъ Невзоровъ.

— Тогда съ ними можно примириться. А почему вы это спрашиваете? — заинтересовалась она.

— Такъ, изъ любопытства..

Но она въ глазахъ Невзорова прочла другое близкое и понятное ей — встрѣтила хищника и почувяла его всѣмъ нутромъ. Даже сердце забилося.

— Изъ любопытства о такомъ не спрашиваютъ.. А если хотите сказать что-нибудь дѣльное, можно будетъ, — она понизила голосъ до шопота, — можно днемъ до 12 часовъ позвонить ко мнѣ по телефону.

И она сообщила номеръ.

Лицо Невзорова на мигъ отразило радостное изумленіе, точно онъ совершенно неожиданно преодолѣлъ громадное затрудненіе.

XI.

Настю влекло къ танцамъ — къ этой площадкѣ, гдѣ нелѣпо колыхались уже пары — моряки и ихъ дамы.

— Боренька, можно мнѣ потанцевать? — спросила она Боруха-Менделя.

Онъ безпомощно посмотрѣлъ на нее.

— Потанцуй, только я не буду...

— Да ты и не умѣешь, — звонко разсмѣялась она и взъерошила его волосы... Ну, господа кавалеры, кто со мной кэкъ-уокъ плясать будетъ?

— Понятно я, — пробасилъ Нелюбинъ.

— И я, — отозвался Невзоровъ.

— Ладно, поочереди, — рѣшила Настя. — Ну, руку, товарищъ комиссаръ...

Она вышла изъ-за стола легкая, стройная и пошла къ танцующимъ, опираясь на руку Нелюбина.

Шакшиновъ и Костинъ куда-то исчезли. Борухъ-Мендель и Невзоровъ остались вдвоемъ.

— Наша парочка произведетъ фуроръ, — сказалъ Невзоровъ, глядя вслѣдъ Настѣ. — Боюсь, чтобы не вышло чего-нибудь.

— Чего? — испуганно спросилъ Мендель, но и самъ безъ отвѣта понялъ, чего опасается Невзоровъ.

— Публика здѣсь не изъ уравновѣшенныхъ, да и комиссаръ Нелюбинъ не изъ покладистыхъ... Нужно быть насторожѣ, товарищъ Мендель...

Настя и Нелюбинъ затерялись въ массѣ танцующихъ. Все по началу шло хорошо. Пара, дѣйствительно, выдѣлялась среди остальныхъ танцоровъ и обратила на себя вниманіе. Особенно Настя. Она танцевала такъ, какъ танцуютъ этотъ дикій танецъ на эстрадахъ, подбрасывая высоко ноги и пристукивая каблуками. Нелюбинъ оказался хорошимъ партнеромъ...

Кое-кто изъ танцоровъ превратился уже въ зрителей, и вокругъ Насти съ Нелюбинымъ сгрудился кружокъ, совершенно скрывшій ихъ отъ взоровъ Боруха-Менделя и Невзорова.

И вдругъ раздался странный возгласъ, словно вынырнувшій изъ гула возгласовъ одобренія, а потомъ звукъ удара — звонкій щелкъ пощечины.

Зрители возлѣ танцоровъ пришли въ движеніе. Раздались крики негодованія, площадная брань вздыбилась надъ толпой.

— Ахъ, такъ...

— Нашихъ бить!

Невзоровъ, какъ стрѣла, сорвался съ мѣста. Борухъ-Мендель, двинутый безпокойствомъ, кинулся за нимъ.

— Ты за револьверъ? А...

— Батюшки, убили! — звонкимъ воплемъ покрылъ гулъ голосовъ и шумъ схватки Настинъ голосъ.

Толпа парохнулася, и сразу стало пусто посерединѣ зала... Невзоровъ однимъ прыжкомъ очутился возлѣ Насти и подхватилъ ее, готовую упасть... Только Нелюбина некому было поддержать. Онъ грузно опустился, точно присѣлъ и потомъ тяжело отвалился навзничь.

— Комиссара убили! — крикнулъ кто-то.

— Ну, и дѣловъ!

Появился блѣдный и дрожащій Шакшиновъ и наклонился къ Нелюбину. Подошло еще нѣсколько любопытныхъ.

— Ножомъ его... Въ сердце прямо.

— Каюкъ...

Но Нелюбинъ подавалъ признаки жизни. Онъ прижималъ руку къ лѣвому боку, откуда сквозь сукно френча сочилась кровь, и слабо стоналъ.

— Милицію надо!

— Оказать помощь...

Заль очищался отъ публики. Гости «Хуторка» не очень любили имѣть дѣло съ милиціей при такихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ, и вскорѣ во всемъ ресторанѣ осталась только Настя, Невзоровъ, Шакшиновъ да Борухъ-Мендель возлѣ неподвижнаго Нелюбина.

ХІІ.

Случай съ Нелюбинымъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на совѣтъ и создалъ особенно тяжелое положеніе для Боруха-Менделя.

Созвали экстренное собраніе исполнительнаго комитета, и Боруху-Менделю пришлось давать показанія. Но онъ ничего не могъ сказать, не могъ описать происшествія. Только по разсказу Насти онъ могъ набросать приблизительную картину того, что произошло. Какой-то пьяный морякъ съ «Авроры» пожелалъ занять мѣсто Нелюбина въ танцѣ и безцеремонно оттолкнулъ его. Нелюбинъ отвѣтилъ пощечиной и схватился за револьверъ. Но выстрѣлить ему не дали. Кто-то изъ толпы ударилъ кинжаломъ Нелюбина, и тогда произошелъ переполохъ. Настя знала только одно, что убійца былъ не морякъ съ «Авроры».

Исполнительный комитетъ вынесъ резолюцію, осудившую поведеніе Боруха-Менделя и всей его компаніи.

«Въ то время, — гласила резолюція, — когда революція въ опасности, и всѣ ея борцы должны сохранять себя для борьбы съ вра-

гами пролетаріата, цѣнство и непотребство должны клеймиться самымъ энергичнымъ образомъ, какъ явленія, позорящія честное имя борцовъ за свободу и отвлекающія ихъ отъ прямой дѣли — служенія пролетаріату. Товарищъ Мендель заслуживаетъ нѣкотораго снисхожденія въ виду того, что исполкомъ знаетъ его отвращеніе къ такому образу жизни и считаетъ его невольно втянутымъ въ этотъ прискорбный случай. Объявляя простой выговоръ товарищу Менделю, исполкомъ переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Эта резолюція наполнила душу Менделя чувствомъ жгучаго стыда. Ему было стыдно смотрѣть въ глаза товарищамъ, и онъ сидѣлъ, опустивъ голову, пришибленный и жалкій, думая о томъ, что сейчасъ ему нужно сложить съ себя всѣ обязанности по совѣту. Да и къ чему онъ теперь? Мечты о дворцахъ для дѣтей терпѣли окончательное крушеніе подъ натискомъ голода и неразберихи грозныхъ событій. Да и чуждыми стали эти мечты Боруху-Менделю...

Онъ поднялъ голову и попросилъ слова.

— Я полагаю, товарищи, — сказалъ онъ тихимъ, но почти спокойнымъ голосомъ, — я полагаю, что мнѣ нужно сказать вамъ «прощайте». Когда я пришелъ сюда работать, я думалъ, что мои силы дѣйствительно принесутъ пользу великому дѣлу строительства новой жизни. Но это оказалось не такъ. Строить ничего нельзя, ничего мы не можемъ построить. Почему? Это не моя и не ваша вина.. А кормить дѣтей могутъ и безъ меня... Я думаю, товарищи, что мнѣ пора покинуть мою должность... И я прошу освободить меня отъ нея.

Ему казалось, что они только и ждали этого заявления и сейчас же разстанутся с нимъ. Что опъ имъ? Случайный встрѣчный, не связанный съ ними ни партіей, ни глубиной убѣждений.

И опъ искренно изумился, когда Израилевичъ сказалъ:

— Въ данный моментъ никто не имѣетъ права покидать своего поста. Совѣтская власть безъ оособо важныхъ причинъ не можетъ разстаться ни съ однимъ изъ своихъ работниковъ, тѣмъ болѣе съ такимъ испытаннымъ, какъ вы, товарищъ Мендель. Васъ обидѣла резолюція?

— Нѣтъ. Вы совершенно правы, вынося такую резолюцію, и я не возражаю противъ нея. То, что я сказалъ, и есть единственнымъ поводомъ, понуждающимъ меня покинуть совѣтъ.

— Но я васъ не отпущу. Вы должны остаться на своемъ посту. Кромѣ того вамъ временно придется замѣщать и товарища Нелюбина, до тѣхъ поръ, пока не найдется ему замѣститель. Партія сейчасъ бѣдна людьми.

— А еще вамъ слѣдуетъ вступить въ партію, — сказалъ Гельфандъ, — пополнить ея силы. Тогда у васъ никогда не будетъ никакихъ колебаній и за васъ все будетъ рѣшать партія. Идите къ намъ, товарищъ Мендель!

Борухъ-Мендель покачалъ головой.

— Нѣтъ. Я еще не готовъ для партіи. Но ужъ, если совѣтская власть нуждается въ моей работѣ, я останусь, — со вздохомъ произнесъ онъ.

— Дѣло кончено, — подтвердилъ Израилевичъ. — Вы сегодня же принимаете на себя

обязанности жилищнаго комиссара. И будете въ то же время наблюдать за кормленіемъ дѣтей... А когда революція побѣдитъ окончательно, будете строить дворцы...

ХІІІ.

Для Боруха-Менделя потянулись дни тяжелой, нудной подневольной работы. Его прямая честная натура не выносила компромиссовъ и потому, взявъ на себя работу, онъ стремился выполнить ее безукоризненно.

А это было трудно и причиняло много неприятностей.

Въ жилищномъ отдѣлѣ ему приходилось сталкиваться съ самыми разнообразными притязаніями людей, жаждущими переселиться изъ подваловъ во дворцы. Приходили тысячи жалкихъ людей, требовавшихъ ордера на квартиры, покинутыя знатью.

И Борухъ-Мендель, столкнувшись лицомъ къ лицу съ массой, населяющей хижины, понималъ полную невозможность переселить ее во дворцы — не было еще такого количества дворцовъ на свѣтѣ. Кромѣ того переселенію мѣшали инструкціи, согласно которымъ коммунистамъ предоставлялись лучшія квартиры и въ первую очередь, во вторую очередь удовлетворялись требованія совѣтскихъ служащихъ, а затѣмъ слѣдовали уже притязанія остальной массы — свободнаго пролетаріата.

Въ концѣ концовъ на долю этого пролетаріата оставались только хижины... Вопросъ

только въ томъ, что кое-кому выпадала хижина немного лучше, кое-кому похуже...

И это вносило новый разладъ въ душу Боруха-Менделя. Идеаль, принятый имъ восторженно за совершенство справедливости и правды, меркъ и тускнѣлъ, оставляя все больше горечи въ душѣ...

Но работать все-таки было нужно. Не пробилъ еще часъ окончательнаго разрыва, и потому Борухъ Мендель съ утра до ночи пропадалъ въ совѣтъ.

Особенно тяготила его необходимость принимать отъ жилищныхъ агентовъ драгоценности, найденныя въ покинутыхъ богатыхъ квартирахъ. Этими драгоценностями былъ заполненъ громадный желѣзный шкафъ въ кабинетѣ жилищнаго комиссара. Золота и брилліантовъ было тамъ на милліоны рублей. Все скапливалось и пока никуда не сдавалось — лежало на отвѣтственности Боруха-Менделя. Самого его эти залежи богатствъ нисколько не интересовали, но онъ видѣлъ много жадныхъ взглядовъ, бросаемыхъ въ сторону шкафа съ сокровищами и боялся, чтобы алчность людская не поставила бы его въ ложное положеніе.

Между нудной возней по жилищному отдѣлу и выслушиваніемъ донесеній Шакшинова о кормленіи дѣтей — по своему отдѣлу — протекалъ весь день Боруха-Менделя.

XIV.

Только ночью, дома, онъ отдыхалъ. Настя попрежнему и даже съ большей еще властью

мѣняла его настроенія. Одинъ ея взглядъ, одно прикосновеніе губъ ко лбу заставляло улетучиваться скверныя тяжелыя мысли, ускоряло бѣшеніе сердца и открывало путь въ міръ сказки и любви.

Она была попрежнему весела и беззаботна, но что-то новое влилось въ нее. Борухъ-Мендель не зналъ, какъ проводить она дни. Она рѣдко павѣщала его въ совѣтъ и чѣмъ заполняла досугъ — ему было неизвѣстно. Это, положимъ и не интересовало его. Въ ея ласкахъ, въ ея любви не было фальшивыхъ потоковъ — она цѣликомъ принадлежала Боруху-Менделю. Это онъ чувствовалъ, это зналъ и этого было вполне достаточно.

Иногда ея не было дома по вечерамъ.

Борухъ-Мендель приходилъ въ пустую квартиру. На столѣ въ столовой заботливая рука оставляла ему ужинъ, но одинъ Борухъ-Мендель не прикасался къ нему. Онъ уходилъ въ спальню — въ красивый, изящный какъ бонбоньерка будуаръ — и тамъ ждалъ возвращенія Насти.

Въ спальнѣ, среди ея вещей онъ чувствовалъ себя не такимъ одинокимъ. Вся остальная квартира угнетала, давила его, казалась безъ Насти пустыней, чуждой и враждебной. Въ спальнѣ же обитала частица ея, запахи ея духовъ, ея тѣла, части туалета, еще хранившія ея теплоту.

Настя возвращалась не очень поздно. И видъ у нея былъ такой, точно она занималась какими-то дѣлами: была немного усталая, немного сосредоточенная.

— Гдѣ ты была, Настенька?

Она по разному отвѣчала на этотъ вопросъ: то митингъ, то собраніе, то просто про-

гулка отвлекли ее отъ дома. Сухо и дѣловито звучали ея отвѣты, п-чудилась какая-то фальшь за ними.

Но ласки ся были бурны и ненасытны, и фальшь теряла всякій смыслъ: ни одинъ мужчина не стоялъ еще на пути Боруха-Менделя, и счастью его ничто не угрожало.

Однажды Настя вернулась позже обыкновеннаго. Она была сильно возбуждена, и, помогая ей скинуть шубку, Борухъ-Мендель уловилъ сквозь духи запахъ вина.

Она немного выпила, но не была пьяной, и все-таки это непріятно поразило Боруха-Менделя. Онъ ничего не сказалъ, но она поняла его мысли, прочла ихъ въ грустномъ взорѣ черныхъ глазъ.

— Боренька, миленькій, не брани меня... Я немного повеселилась и выпила всего только капельку, такъ, для компаніи. Надѣюсь, ты дурно не думаешь обо мнѣ?

И чтобы сгладить непріятное впечатлѣніе, кинулась душить его въ объятіяхъ.

— Нѣтъ, я дурно не думаю о тебѣ. Только мнѣ кажется, что между нами стоитъ что-то... Ты не говоришь мнѣ о чемъ-то и что-то носишь въ себѣ. Это меня беспокоитъ.

Настя смутилась слегка. Она не ожидала этихъ словъ и встрѣтила ихъ неудовольствіемъ.

— Всѣ вы мужчины одинаковы, — хмуря брови, сказала она и отвернулась къ зеркалу. — Если мы повеселимся немного безъ васъ, вамъ кажется нивѣсть что... Ну, я была въ ресторанѣ, ужинала съ одной компаніей. Что же въ этомъ особеннаго?

— Ничего... Съ кѣмъ ты была, Настенька?

— Не все ли равно? Ну была съ Невзоровымъ и еще съ другими. Можешь успокоиться, тебя я не промѣняю на нихъ... Ахъ, Али, Али... Если бы ты зналъ, что я думаю только о нашемъ будущемъ...

Она скинула тяжелое шелковое платье и въ бѣльѣ порхнула въ ванную комнату. Ея голосъ раздался оттуда звонче обыкновеннаго — отраженный мраморомъ:

— Только о тебѣ и о себѣ, Али... Но что я затѣяла — это секретъ и тебя не касается...

И въ этомъ полупризнаніи прозвучала недоговоренность, намекъ на какую-то тайну, отдѣлявшую Настю отъ него. Что-то захватило ее, какая-то новая мысль, можетъ быть отчаянная авантюра. Это почувствовалъ Борухъ-Мендель всѣмъ сердцемъ, и оно заняло точно отъ тягостнаго предчувствія.

Они лежали потомъ въ постели, и сонъ бѣжалъ отъ нихъ. Боруха-Менделя точно угнетала темнота. Она не спала, занятая безпокойными мыслями.

— Неужели, Боренька, ты думаешь, что мы всегда будемъ такъ жить? — вдругъ произнесла она пыгливо:—неужели ты думаешь, что большевики долго нацарствуютъ? Какъ бы не такъ... скоро ихъ прогнать. Самъ вотъ знаешь, что скоро Питеръ возьмутъ бѣлые. Это всѣ говорятъ. Такъ неужели и намъ пропадать вмѣстѣ съ ними? Нѣтъ, милый, я черезчуръ хитра для этого. Понимаешь? Сейчасъ какъ разъ время урвать побольше отъ момента и улизнуть совсѣмъ. Это хорошо, что ты не большевикъ... Вмѣстѣ съ тобой мы можемъ хорошо зажить и у бѣлыхъ... Понимаешь? Твоя Настенька думаетъ обо всемъ, и ты не безпокойся....

Этимъ она вдругъ открыла передъ нимъ все. И вмѣстѣ съ этими словами открылась и бездна, всегда находившаяся между ними. Настя-авантюристка, Настя-проститутка была по ту сторону бездны, а онъ — съ другого края ея. Мостомъ была любовь, и даже не глубокая духовная любовь, а страсть — непрочнымъ мостомъ, который могъ обрушиться въ любой моментъ...

Даже силой своей любви онъ не могъ поставить Настю рядомъ съ собой. Ей чуждъ былъ его міръ, ей чужда была его душа. Она любила и его и его душу, по такъ, какъ можно любить божество: чувствовать его высоко надъ собой, но не стремиться въ эту непонятную высь.

Онъ былъ идеалистъ, фантазеръ, начиненный книжной мудростью всѣхъ временъ и народовъ. Она — хищница. Красивый хищный звѣрь, жаждущій урывать лакомые куски отъ жизни, не заботясь ни о чемъ кромѣ себя самой...

Борухъ-Мендель еще разъ осозналъ это и вздохнулъ.

— Не знаю, что ты задумала, Настя, — сказалъ онъ, — но я не намѣрепъ бѣжать передъ какой-бы то ни было опасностью.

Она приподнялась на локтѣ, приблизила лицо къ его глазамъ и сказала почти презрительно:

— Дуракъ! Но что говорить объ этомъ съ тобой. Когда нужно будетъ — пойдешь со мной.

— Зачѣмъ?

— Останешься? Ну, если мнѣ нужно будетъ бѣжать отъ этихъ же большевиковъ?

Останешься съ ними? А если они меня поймають и убьютъ, и ты будешь съ ними? Да?

Она уже страстно требовала отвѣта.

Борухъ- Мендель отвѣтилъ сейчасъ- же. Этотъ отвѣтъ былъ давно продуманъ, давно жилъ въ его душѣ.

— Если будетъ угрожать тебѣ какая нибудь опасность, и всегда буду съ тобой. Ты, Настенька, одна у меня... Больше никого и ничего.

— Ну, то-то!

Она поцѣловала его въ губы успокоенная и довольная.

— А развѣ ты хочешь сдѣлать что нибудь противозаконное? спросилъ онъ.

А развѣ есть сейчасъ какіе нибудь законы? — отпаривала она. — Миленкій, законы погибли вмѣстѣ съ Николаемъ Романовымъ... Сейчасъ разбойное время. Грабить всякій, а только партія большевиковъ думаетъ, что у нея одной это право, и если кто посторонній попадетъ, его ухлопають безъ стѣсненія... Ха-ха-ха... Дуванъ конечно только промежъ себя дѣлить хотятъ. Такъ всегда разбойники дѣлали. А ты про законъ еще толкуешь! Нѣтъ закона, и есть только сила да хитрость...

— Но вѣдь ты не собираешься грабить, Настенька? — ощущая новое безпокойство произнесъ онъ.

— А думаешь спущу, если подъ руку подвернется? Какъ бы не такъ! Что я хуже зашего Ленина или Зиновьева? Или хуже другой сволочи? Одна шпана каторжная, мой милый... Только я, можетъ, постарше ихъ въ этомъ ремеслѣ и похрабрѣе: я воровала тогда, когда законы были, а они въ тѣ времена хорошими словами пробавлялись. Я рисковала,

а они грабятъ безъ риска... Я своимъ тѣломъ торговала, они тоже себя Вильгельму продали да еще со всей Россіей... И выходитъ, что проститутка, и что они — одна пара. Только проститутка-то, можетъ, лучше ихъ да по-смѣлѣе. Такъ, видишь, и права у насъ одинаковыя... Почему же мнѣ спускъ давать, если подвернется что хорошее подъ руку?

Борухъ-Мендель ничего не отвѣтилъ. Оригинальность мысли подавила его. Вульгарно, цинично она дала характеристику того, что совершалось въ Россіи. Ей — проституткѣ, воровкѣ—было это черезчуръ близко и понятно, и она видѣла то, что для другихъ было скрыто нарядной кричащей завѣсой изъ яркихъ красивыхъ фразъ и пламенныхъ лозунговъ.

XV.

Въ совѣтѣ было много работы. Съ утра и до вечера щелкали пишущія машинки, строга сотни бумагъ. Ни одна изъ нихъ не могла дать ничего реальнаго ни дѣтскимъ учрежденіямъ Боруха-Менделя, ни способствовать урегулированію жилищнаго вопроса.

Подписывая эти бумаги Борухъ-Мендель испытывалъ горькое чувство: подъ ихъ фразами, цифрами и соображеніями погребалось великое настоящее дѣло, онѣ окончательно развѣивали призракъ мечты о дворцахъ для дѣтей и о новыхъ поколѣніяхъ людей—гордыхъ, свободныхъ духомъ властелиновъ земли.

Голодъ продолжалъ блокаду столицы. Морозъ въ союзѣ съ нимъ добивалъ населеніе.

Все выше вырастали снѣжные смерзшіеся валы на улицахъ, и все безлюднѣе стано-

вились улицы. Кто могъ — бѣжалъ изъ Петербурга въ провинцію, въ деревню, подальше отъ бѣлаго безмолвія столицы, надъ которымъ одиноко трепыхалъ кровавый стягъ, смѣнившій гордаго орла.

Труднѣе становилось добывать пищу для дѣтей. Румяный лоснящійся Шакшиновъ потерялъ долю самоувѣренности и съ утра до ночи рыскалъ по городу, разыскивая почти чудомъ какіе-то запасы чечевицы, гороха и сушеной воблы.

Ни одна изъ бумагъ, отстуканныхъ на машинкахъ и подписанныхъ Борухомъ-Менделемъ, не могла измѣнить ни на іоту положенія. А между тѣмъ съ каждымъ днемъ количество бумагъ росло. Совѣтъ разбухъ, превратился въ громадное учрежденіе съ сотнями служащихъ. Голодные интеллигенты, бойкотировавшіе совѣтскую власть, хлынули на службу къ большевикамъ и ихъ некуда было дѣвать.

У Боруха-Менделя въ отдѣлѣ работали уже три машинистки и для cadaго подотдѣла былъ особый завѣдующій: и для дошкольнаго, и для внѣшкольнаго и для школьнаго. Всѣмъ вмѣстѣ нечего было дѣлать, но они работали, создавали проекты, дѣлали доклады и растворяли свою энергію въ общемъ морѣ трескучихъ фразъ и дѣловыхъ бумагъ...

Все это за нѣсколько кереенокъ и жалкій продуктовый паекъ, въ любой «царской» тюрьмѣ послужившій бы поводомъ для голодовки протеста.

Дѣйствительность сузила до убогости полетъ мечты Боруха-Менделя въ области служенія дѣтямъ. Ничего отраднаго не дала она и по жилищному отдѣлу.

Дворцы оказались непригодными для

жилья. Морозъ испортилъ центральныя отопленія и водопроводы. Красноармейцы порастаскали калориферы на устройство перегонныхъ кубовъ для самогонки.

И дворцы пустовали. Громадные роскошные дома, оборудованные по послѣднему слову техники, покидались населеніемъ. Оно стремилось въ «хижины», гдѣ въ маленькихъ тѣсныхъ каморкахъ были примитивныя, но надежныя приспособленія для борьбы съ холодомъ и гдѣ воду добывали прямо изъ рѣкъ...

Армія совѣтскихъ служащихъ работала — толкла воду въ ступѣ, а въ верхахъ чувствовалась растерянность.

Съ фронтовъ приходили тревожныя вѣсти: успѣхи Деникина, Колчака нервировали Смольный. Армія Юденича, угрожавшая Петербургу, особенно беспокоила заправиль. Ходили слухи о томъ, что народныя комиссары помышляютъ о бѣгствѣ въ Москву, хотягь перенести центръ власти изъ Смольнаго въ Кремль.

Борухъ-Мендель и жилъ и не жилъ.

Все окружающее, всѣ «злобы дня», волновавшія и питавшія совѣтъ, скользили мимо него, не оставляя глубокаго впечатлѣнія. Онъ опять превратился въ созерцателя, не принимающаго никакого участія въ событіяхъ.

На двойномъ комиссарскомъ посту онъ былъ не больше, чѣмъ манекеномъ. Впрочемъ, никакое горѣніе, никакая даже дьявольская энергія ничего не могла дать реальнаго при создавшемся положеніи. И Борухъ-Мендель больше, чѣмъ кто-либо другой, понималъ это.

У него была своя жизнь. Все начиналось и кончалось тамъ—на бывшей квартирѣ Баргунина — возлѣ Насти. Любовь его не меркла, а росла, превращаясь въ громадное спо-

койное солнце. Въ нея все было чуждо и мертво, все въ ней — жизнь и счастье.

И міръ и великія событія, творящіяся въ немъ — все оставалось за окнами этой квартиры въ темнотѣ морознаго воздуха, не имѣя права проникать туда, гдѣ царствовала любовь.

Объ этомъ думалъ Борухъ-Мендель, склонясь въ февральскій день надъ грудой бумагъ за своимъ столомъ.

Черный маленькій Гельфандъ въ высокихъ сапогахъ и въ кожаной курткѣ ворвался въ кабинетъ, размахивая какой-то бумажкой.

— Вотъ, товарищъ Мендель, предписаніе отъ совѣта народныхъ комиссаровъ — нужно принять отъ васъ золото и драгоценности, конфискованныя въ буржуйскихъ квартирахъ.

— Вы заберете ихъ? — освѣдомился Борухъ-Мендель, кидая бѣглый взглядъ на бумажку. — Это хорошо, что вспомнили наконецъ о нихъ.

— Исполкомъ поручилъ мнѣ доставить ихъ въ Смольный. Много у васъ этой дряни?

— Порядочно. Смотрите.

Борухъ-Мендель открылъ старый денежный шкафъ. Онъ былъ биткомъ набитъ золотыми вещами. Гельфандъ сунулъ руку въ грудку золота и вытащилъ горсть дорогихъ бездѣлушекъ.

— Однако, — озадаченно произнесъ онъ. — Тутъ ихъ пуда два будетъ.

Онъ раскрылъ руку, и на столъ посыпались нѣсколько серегъ, брошка и пара золотыхъ часовъ.

— Да, пуда два будетъ, — меланхолически согласился Борухъ-Мендель. — Это васъ беспокоитъ?

— Конечно. Я думалъ все забрать въ ручной саквояжикъ, а тутъ цѣлый чемоданище нуженъ!

— Берите чемоданъ.

— Чортъ! А какъ я его потащу? Одному почти не по силамъ.

Въ это время вошла Настя. Она рѣдко заглядывала въ совѣтъ, но была здѣсь своимъ человѣкомъ.

Раскрытый шкафъ и бездѣлушки на столѣ привлекли ея вниманіе. Жадные огоньки вспыхнули въ глазахъ, какъ у голодной тигрицы при видѣ лакомаго куска.

— Ого! Откуда у васъ такія прелести?

Гельфандъ снисходительно улыбнулся.

— Буржуйское наслѣдіе, товарищъ Настя, — сказалъ онъ. — Теперь пригодится для борьбы съ этими самыми буржуями.

— Какъ это? — не поняла Настя.

— Просто: соберемъ все и на это снарядимъ новыхъ бойцовъ революціи.

— А-а, — разочарованно произнесла Настя, — все для солдатъ. Ахъ, какая прелесть эти серьги! Смотрите, если вы способны понимать красивое; какіе оригинальные рубины — точно двѣ крупныя капли крови, а брилліанты сверху, какъ двѣ слезы...

Она приложила серьги къ мочкамъ ушей.

— Боже мой! Ну развѣ не прелесть это?!

— Вамъ это такъ нравится, товарищъ Настя? — спросилъ Гельфандъ, устремляя на нее глаза. — Возьмите себѣ на память, если хотите...

Борухъ-Мендель сдѣлалъ протестующій жестъ. Гельфандъ предупредилъ его возраженія:

— Не смущайтесь духомъ, товарищъ Мен-

дель; эта пара сережекъ не составитъ разницы. Почему нашимъ женамъ не воспользоваться кусочкомъ блеска нашихъ враговъ? Къ тому же товарищъ Настя всегда принесетъ въ жертву эти побрякушки, если онѣ понадобятся на защиту революціи. Не такъ ли, товарищъ Настя?

— О, еще бы! — вырвалось у Насти. Но что она хотѣла сказать, понялъ только Борухъ-Мендель: никакія силы не могли бы заставить ее разстаться съ тѣмъ, что попало въ ея руки.

Борухъ-Мендель положилъ обратно золото и заперъ шкафъ.

— Когда же вы думаете забрать это?

— Сегодня. Въ сумерки. Нужно обставить по возможности незамѣтнѣе мою поѣздку.

— Какъ? Вы увозите эти богатства?—вмѣшалась въ разговоръ Настя.

— Да. Смольный потребовалъ. Я думаю, товарищъ Мендель, схитрить. Время, знаете, тревожное... Если я возьму охрану, то непременно подвергнусь нападенію. А если просто поѣду, на извозчикѣ (даже не въ автомобилѣ), одинъ, то никто и вниманія не обратитъ на пролетарія съ чемоданомъ. А? Какъ вы думаете?

— Что же, мысль хорошая! У васъ есть голова на плечахъ, товарищъ Гельфандъ, — улыбнулся Борухъ-Мендель.

Гельфандъ разразился смѣхомъ.

— Еще бы! Какую школу конспираціи прошелъ! Итакъ, товарищъ Мендель, въ четыре часа я приду за этимъ барахломъ, вы ожидайте меня.

Настя не проронила ни слова изъ этого разговора. Она стала задумчивой и серьезной.

Взглядъ ея перебѣгалъ со шкафа, скрывавшаго драгоцѣнности, на Гельфанда и на Боруха-Менделя. Она точно рѣшала какую-то сложную задачу.

Когда Гельфандъ ушелъ, она вздохнула.

— Подумай, Боренька, какія богатства увезетъ эта черная обезьяна. Ты отдашь ихъ ему?

Борухъ-Мендель кинулъ на нее изумленный взглядъ.

— А то какъ-же?

Она презрительно передернула ноздрями и сказала увѣренно и спокойно:

— Дуракъ. Такъ-таки и отдашь все?

— Ну, конечно.

— А ты думаешь онъ отвезетъ все это въ Смольный, а не оставить у себя?

— Конечно отвезетъ. Гельфандъ порядочный и честный человѣкъ.

— Тоже значить дуракъ... Эхъ, да васъ не передѣлать тутъ... Спасибо еще, хоть сержки успѣла вырвать... Ну, сиди себѣ тутъ... А я пришла сказать тебѣ, Боренька, что сегодня приду домой попозже... Ты не беспокойся, голубчикъ.

— А куда ты пойдешь?

— На собраніе женской лиги. Знаешь вѣдь, что я секретарь тамъ... Ну, комиссаръ, цѣлуй меня и жди къ ужину... Мнѣ Невзоровъ прислалъ бутылку шампанскаго, и мы разопьемъ съ тобой, мой любимый... Ладно?

Она порывисто охватила его шею руками и поцѣловала въ губы — сочнымъ и долгими поцѣлуемъ.

XVI.

Въ четыре часа черный жукообразный Гельфандъ явился къ Боруху-Менделю. Въ рукахъ у него былъ большой дорожный чемоданъ.

— Вотъ сюда и положимъ всю эту дребедень, товарищъ Мендель, — весело заговорилъ онъ. — Донести до извозчика мнѣ поможетъ товарищъ Тихомировъ — просто, какъ видите. А товарищъ Тихомировъ и знать не будетъ, что несеть...

Борухъ-Мендель заготовилъ опись вещей. Онъ не зналъ ни цѣны, ни даже названій многихъ драгоценностей и поэтому записывалъ просто вещи, не указывая камни. Гельфандъ взглянулъ на опись и хотѣлъ ее сунуть въ карманъ.

— Погодите остановилъ его Борухъ-Мендель, — какъ же такъ? Вы не хотите принять вещи по описи?

— Зачѣмъ это? — весело возразилъ Гельфандъ. — Ни вы ни я не украли отсюда ничего и не украдемъ... Что же намъ провѣрять? Лишняя работа...

И у Гельфанда не было никакой почтительности, никакого трепета передъ грудami цѣнностей, сверкавшихъ въ шкафу. Онъ поставилъ раскрытый чемоданъ къ шкафу и выгребъ въ него золото и дорогія украшенія точно ничего не стоящій мусоръ.

— Если бы не необходимость создать изъ этого средства для обороны революціи, — замѣтилъ онъ — я бы просто утопилъ эту дрянь въ Невѣ. Какъ бы легко чувствовало себя человечество, если бы не носило на себѣ тяжесть золотого ярма!

Борухъ-Мендель молча кивнулъ головой.

Мысль Гельфанда нашла откликъ въ его душѣ — Хлѣбъ, одежда, наука, искусства — вотъ, что нужно человѣчеству, и мы скоро докажемъ міру, что все это можно имѣть безъ золота, путемъ общаго труда. Что? Вы улыбаетесь, товарищъ Мендель? Вы не вѣрите?

— Островъ Утопія, — грустно улыбнулся Мендель.

— Что-жь? Фантазія Мура не лишена нѣкоторой соціалистической закваски, хотя, конечно, не можетъ быть руководствомъ для нашихъ достижений. Товарищъ Мендель, — торжественно поднявъ руку, провозгласилъ Гельфандъ, — дайте намъ справиться съ контръ-революціей, и вы увидите чудеса . . . Да, чудеса будутъ твориться въ Россіи. Она станетъ колыбелью освобожденія человѣчества отъ вѣковѣчныхъ оковъ рабства.

— Дай Богъ, — вздохомъ вырвалось у Боруха-Менделя.

Ну, отъ вашего Бога мы ничего не ждемъ, — отмахнулся Гельфандъ. Впрочемъ съ вами бесполезно говорить на эту тему, да и некогда: нужно отвезти этотъ хламъ. А вамъ я совѣтую записаться въ партію, старый фантазеръ и метафизикъ. Партія вышибетъ изъ васъ метафизику...

Гельфандъ позвалъ Тихомирова — коммуниста, служившаго сторожемъ при совѣтѣ, и вдвоемъ они съ трудомъ потащили чемоданъ нагруженный драгоценностями.

Борухъ-Мендель задумчиво глядѣлъ имъ вслѣдъ. Маленькій Гельфандъ со своей непоколебимой вѣрой въ торжество его идеи казался ему трогательнымъ и жалкимъ въ то же время. Партія! Она обезличивала людей, дѣлая изъ нихъ рабовъ и не идеи даже, а своихъ собственныхъ. Гельфандъ, презирающій золото,

все-таки тащилъ его этой партіи. Этотъ Гельфандъ скорѣе анархистъ по убѣжденіямъ, подчинялся указкѣ партіи, какъ автоматъ, исполняя каждое ея желаніе и утѣшаясь мыслью, что съ него падаетъ всякая отвѣтственность за послѣдствія... Отвѣчала партія...

Въ такомъ же положеніи были и негры-рабы въ Америкѣ, лишенные воли и лишенные всякой отвѣтственности...

Не то требовалось отъ созидателей колыбели свободы... Не то...

Борухъ-Мендель покачалъ головой и покинулъ кабинетъ, по привычкѣ собравъ со стола бумагу.

Синія сумерки охватили городъ. Небо было прозрачно и чисто, и звѣзды начинали неясно вспыхивать въ темной глубинѣ. Въ прозрачномъ морозномъ воздухѣ точно трепетало вѣяніе приближающейся весны — отзвуки тихой тоски, тревоги грядущей жизни...

XVII.

Настя не было дома.

Борухъ-Мендель прошелъ черезъ столовую и маленькую гостиную въ спальню.

Онъ любилъ здѣсь поджидать возвращеніе Насти, среди ея вещей, всегда въ безпорядкѣ разбросанныхъ по комнатѣ.

На столикѣ — маленькомъ дамскомъ письменномъ столикѣ — валялись головныя шпильки и нѣсколько листовъ бумаги. Борухъ Мендель взялъ одинъ изъ нихъ безъ всякой цѣли и поднесъ къ глазамъ.

Сумракъ мѣшалъ разобрать, что было написано на бумажкѣ — можетъ быть счетъ, мо-

жетъ быть записка къ нему (Настя иногда оставляла такія записочки, когда предполагала особенно долго задержаться гдѣ-нибудь.)

Борухъ Мендель подошелъ къ окну. Но и тутъ освѣщеніе оказалось недостаточнымъ, чтобы разобрать записку. Пришлось зажечь свѣтъ.

Да, это была записка, но не Настина. Круглый увѣренный мужской почеркъ писалъ:

„Посылаю тебѣ эту записку съ Никономъ, потому что другимъ способомъ не могу снестись: я обнаружилъ слѣжку и долженъ запутать слѣдъ. По этой же причинѣ придется отложить и визитъ за золотомъ въ совѣтъ. Если будутъ новости, сообщи по телефону Манѣ — она въ связи со мной... Ахъ, какъ тоскливо безъ тебя, Настюша.. такъ хочется скорѣе почувствовать твои поцѣлуи твое... впрочемъ это къ дѣлу не относится. А все-таки цѣлую.. А. Н.“

Борухъ Мендель два раза прочелъ записку, потомъ медленно опустился на мягкій пуфикъ возлѣ стола. Точно силы вдругъ покинули его — онъ сталъ слабъ, какъ ребенокъ...

И ни волненія, ни острой боли не было въ душѣ. Онъ положилъ записку на столъ, туда, гдѣ она лежала, и поднялся съ пуфа.

У Насти всегда было много связей, ея профессія обязывала къ этому, и то, что Невзоровъ оказался на ея пути, нисколько не казалось чудовищнымъ Боруху-Менделю.

Такъ было и тогда, въ Москвѣ... Такъ будетъ и всегда. Развѣ удивительно, что этотъ человѣкъ съ блѣднымъ такимъ смѣлымъ и рѣшительнымъ лицомъ овладѣлъ ею?

Ни злобы къ нему, ни отвращенія къ Настѣ не почувствовалъ бывший рудогайскій раввинъ. Только тоска заползала въ душу... Сумеречно и пусто дѣлалось въ ней.

— Сумерки любви, — вслух подумалъ Борухъ-Мендель и грустно улыбнулся.

Да, солнце его любви, пылавшее яркимъ ровнымъ свѣтомъ, начинало клониться къ закату. Для него было ясно, что снова настанетъ часъ разлуки, и опять Настя исчезнетъ, но теперь навсегда, безъ возврата. И не продумавъ, а какъ-то осязавъ душой эту мысль, Борухъ-Мендель почувствовалъ страшную пустоту... Точно уже не было Насти, точно она исчезла, ушла, чтобы не возвращаться...

Борухъ-Мендель всѣмъ существомъ своимъ понялъ, что безъ Насти не можетъ быть жизни для него. Съ ней, только съ ней и только для нея могло биться его сердце, могли жить желанія въ его душѣ, и даже само дыханіе, исходившее изъ его груди, казалось, могло принадлежать только ей.

Борухъ-Мендель ходилъ по темной квартирѣ, натываясь на мебель, путаясь въ портьерахъ, и ему казалось, что онъ сталъ безплотнымъ и проходилъ сквозь двери и стѣны. Такое странное ощущеніе отсутствія тѣла, мыслей и чувствъ! Черная пустота безъ границъ и края, и онъ въ ней одинъ, опустошенный точно кубокъ, выпитый залпомъ чьими-то жадными и безпощадными устами.

Онъ ходилъ долго, потерявъ всякое представленіе о времени и планѣ квартиры. Не узнавалъ комнатъ. Ему казалось, что онъ шелъ только впередъ, пронизавъ тысячу стѣнъ... Шелъ безъ остановокъ по мертвымъ жилищамъ громаднаго мертваго города.

Почувствовавъ усталость Борухъ-Мендель даже обрадовался ей: возвратилось тѣло, и онъ съ изумленіемъ узналъ залъ своей квартиры, въ который обычно никогда не заходилъ. Паль-

мы уголка зимняго сада тянули къ нему причудливыѣ широкіе листья, и онъ сѣлъ на диванчикъ подѣ ними.

Вернулось тѣло, вернулись мысли, пришла снова тоска, и тупая боль охватила душу.

XVIII.

Онъ услыхалъ, какъ шелкнулъ автоматическій замокъ выходной двери, и пошелъ на встрѣчу Настѣ. Даже обрадовался ея приходу, какъ ребенокъ. Что бы тамъ ни было, но сейчасъ она пришла, и все будетъ по старому, по привычному и какое ему дѣло до Невзорова и до того, что Настя уходитъ куда-то? Вѣдь ночь всегда въ его распоряженіи, ночь—священное время любви!

Онъ вышелъ въ переднюю и остановился изумленный. Это была Настя и не Настя въ то же время, то есть Настя, но въ необыкновенномъ нарядѣ. На ней былъ мужской костюмъ — френчъ, широкія галифе, заправленные въ высокіе желтые шнурованные ботинки. На головѣ военная фуражка, лихо заломленная набекрень.

Настя только что скинула солдатскую шинель и повѣсила ее на вѣшалку. Увидала Боруха-Менделя и улыбнулась ему какъ всегда нѣжно и задорно, точно никакой тѣни не было въ ея отношеніяхъ къ нему.

— Что, Боренька, не узналъ храбраго солдата Яшку?! — засмѣялась она. — А! Соскучился небось безъ меня?

И какъ всегда порывисто обняла его и поцѣловала въ губы длительнымъ поцѣлуемъ. И солнце счастья снова засіяло въ душѣ Бо-

руха-Менделя, разогнавъ ослѣпительными лучами мракъ, и тяжелымъ сномъ показалась записка, найденная въ спальнѣ, и безконечныя блужданія по темной квартирѣ.

Но Настя казалась все-таки усталой и чѣмъ-то взволнованной. Въ ея ласкѣ снова сказалась привычка. Заглянувъ въ ея глаза Борухъ-Мендель прочелъ какое-то смятеніе души.

— Что съ тобой, Настенька? — осторожно спросилъ онъ, обхвативъ ее за талию и вводя въ столовую. — Ты очень устала?

Рука его нащупала неожиданно что-то твердое и тяжелое въ заднемъ карманѣ галифе. Онъ вздрогнулъ, ощупью распознавъ предметъ: это былъ браунингъ, большой браунингъ военного образца.

— Настя... Зачѣмъ у тебя оружіе? — спросилъ онъ и вдругъ поблѣднѣлъ, вспомнивъ одну фразу изъ роковой записки, отодвинутую болѣе важнымъ, болѣе тягостнымъ: «придется отложить визитъ за золотомъ въ совѣтъ».

— Настя?! — вскрикнулъ онъ, пораженный внезапной догадкой, сопоставившей въ одно цѣлое загадочную фразу изъ записки, револьверъ и солдатскій нарядъ Насти. — Зачѣмъ ты носишь револьверъ?

— Такъ я же солдатъ Яшка! — снова засмѣялась Настя. — А какой же солдатъ безъ оружія? Ну, да чего ты переполошился?

Усмѣшка сошла съ ея губъ, когда она заглянула въ лицо Боруха-Менделя. Въ глазахъ ея мелькнула тревога.

— Что съ тобой, Али? Ты... Да говори, что случилось?

— Ничего, Настенька, — отвѣтилъ Борухъ-Мендель, — опуская глаза, точно боясь, что

она прочтетъ въ нихъ его открытіе, вдругъ новымъ зловѣщимъ свѣтомъ освѣтившее Настю. — Ничего. Меня взволновалъ револьверъ — я не люблю никакого оружія!

— Ну нѣтъ... Такъ легко ты не увильнешь... Думаешь я не вижу, что ты врешь? Скажи лучше сразу, что знаешь...

Въ страшномъ волненіи, точно вспомнивъ о чемъ-то, она побѣжала въ спальню. Нѣсколько минутъ ея не было, и тягостная тишина обступила Боруха-Менделя. Потомъ она вернулась со скомканной бумажкой въ рукахъ. Это была записка Невзорова.

— Ты прочелъ это? Да? Ахъ, я дура, дура, забыла уничтожить такую вещь! Ты прочелъ это письмо? Ну, говори же скорѣй... Ахъ, да зачѣмъ и говорить — конечно, прочелъ.

Она въ волненіи бѣгала по комнатѣ, и Борухъ-Мендель никогда не видалъ ее такой разстроенной.

— Да, Настенька, я прочелъ это, — вздохнувъ произнесъ онъ. — Прочелъ...

— Ну и хорошо, что прочелъ! — зло сверкнула она глазами. — Я тебѣ говорила, что не создана для простой жизни, вотъ!

— Но я тебя ни въ чемъ не обвиняю, — тихо сказалъ Борухъ-Мендель, и голосъ его дрожалъ. — Каждый выбираетъ свой путь по собственному желанію. И если бы я тебя не любилъ...

— То донесъ бы на меня? Да? — кинулась она къ нему и впиалась жаднымъ взглядомъ въ его лицо, — скажи, донесъ бы?

Борухъ-Мендель грустно покачалъ головой.

— Нѣтъ... Я бы могъ уйти, Настенька и пожелать тебѣ счастья въ новой любви.

— Въ новой любви? — она съ недоумѣніемъ произнесла эти слова. — Въ новой любви? Въ какой это любви? Въ какой это любви... Ахъ, вотъ что! Ха! ха! ха!

Ея смѣхъ былъ полной неожиданностью для Боруха-Менделя. Она смѣялась отъ души, и на ея лицѣ пропали выраженія тревоги, вражды и злости.

— Новой любви! Ахъ, Боренька, ты все такой же, какимъ былъ! У меня нѣтъ любви ни къ кому, кромѣ тебя и никогда не будетъ! То, что пишеть этотъ дуракъ, ты принялъ всерьезъ? ха! ха! ха!

— Я не вижу въ этомъ ничего смѣшного, Настенька. Человѣкъ пишеть о тоскѣ, о поцѣлуяхъ, пишеть, какъ владѣющій тобой... Настенка, я ни чего не понимаю тогда.

— И нечего тебѣ понимать... Вѣдь если такъ, то ты долженъ былъ бы ревновать меня ко всѣмъ тѣмъ, кто перебивалъ у меня за всю мою жизнь. Брось ихъ, Боренька, брось мучить себя понапрасну...

И снова она убѣдила. Не словами: буря ласки, неподкупнаго горячаго чувства обрушилась на Боруха-Менделя и сокрушила, смяла всѣ его сомнѣнія.

Только поздно ночью, вѣрнѣе подъ утро, когда сизой стала ночь за окномъ, Борухъ-Мендель снова началъ думать.

Настя спала. Ея горячее тѣло разметалось возлѣ него, одна рука была заложена подъ голову; полуоткрытыя сочныя губы казались дрожали еще отъ томленія дикихъ поцѣлуевъ.

И у этой женщины, жившей только тѣломъ, были таинственныя связи съ какими-то темными силами. Правда въ центрѣ этихъ

силъ было золото — единственное божество, которому поклонялась Настя.

«У нихъ былъ планъ ограбить мой шкафъ въ совѣтѣ, — подумалъ Борухъ-Мендель безъ тѣни волненія. — Что было бы, если бы это имъ удалось?»

Онъ пожалъ плечами и улыбнулся.

Это было бы началомъ конца. Всему бываетъ конецъ, и конецъ долженъ подойти когда-нибудь. Не все ли равно, придетъ ли онъ въ видѣ тифа или его принесутъ въ дулахъ винтовокъ четыре исполнителя приговора революціоннаго суда.

Важно только одно — быть увѣреннымъ, что конецъ приходитъ во-время, и что жизнь больше не имѣетъ смысла.

XIX.

Давно не было такой суеты въ совѣтѣ, какъ въ это утро.

Борухъ-Мендель, войдя въ свой отдѣлъ, сразу почувствовалъ, что случилось что-то важное.

Новый переворотъ? Бѣлые возлѣ заставъ Петрограда?

Его встрѣтила машинистка, бѣлобрысая Паякина, ставшая уже партійной. Лицо ея было какимъ-то сѣрымъ, и она еле могла говорить.

— Развѣ вы ничего не знаете, товарищ Мендель? — спросила она.

Мендель покачалъ головой.

— Что же случилось?

— Товарища Гельфанда чуть не убили. Онъ вчера везъ вечеромъ драгоценности и на него было нападеніе. Товарищъ Гельфандъ опасно раненъ...

У Боруха сжалось сердце, точно чья-то холодная рука стиснула его. Стало трудно дышать.

— Гельфандъ раненъ?—переспросилъ онъ, точно не могъ вникнуть въ смыслъ этихъ словъ.

— Да, раненъ, очень опасно. На него напали гдѣ-то возлѣ Слоновой. Четверо въ солдатской формѣ. Захватили чемоданъ, а когда товарищъ Гельфандъ выхватилъ револьверъ, прострѣлили ему грудь... навывлетъ.

Тогда суета въ совѣтѣ стала понятной сразу. Борухъ-Мендель ничего не сказалъ Панкиной и прошелъ въ свой кабинетъ.

Настина «игра» пріобрѣтала зловѣщій отѣнокъ. Онъ вспомнилъ ея солдатскій нарядъ и револьверъ и застылъ въ ужасѣ.

Неужели она могла убить человѣка ради кучи блестящихъ вещей?

Съ этой чудовищной мыслью никакъ не могъ примириться Борухъ-Мендель.

Его Настя, его любовь и счастье, и шайка убійцъ! Нѣтъ, должно быть тутъ что-то не такъ...

Его размышленія прервала товарищъ Панкина. Она вошла въ кабинетъ и выпалила:

— Товарищъ Мендель, васъ требуетъ исполкомъ.

Мендель поднялся навѣрхъ къ Израилевичу. Въ кабинетѣ предсѣдателя онъ засталъ въ сборѣ почти весь исполкомъ.

— Вы слышали о Гельфандѣ? — нервно спросилъ Менделя Израилевичъ. — Какъ могло случиться, что его прослѣдили бандиты?

Борухъ-Мендель хорошо зналъ, какъ это вышло, но ничего не отвѣтилъ. Лгать онъ не хотѣлъ, а выдавать Настю... Лучше откусить себѣ языкъ.

— Какъ все произошло? — спросилъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ. И старая выдержка, выдержка раввина помогла ему. Никто не замѣтилъ на его лицѣ и тѣни волненія.

— Нападеніе бандитовъ. Ихъ было четверо, всѣ въ солдатскомъ. Къ сожалѣнію, товарищъ Гельфандъ больше ничего не могъ сообщить... Допросить его можно будетъ только черезъ нѣсколько дней... Товарищи изъ угрозыска подозрѣваютъ, что среди бандитовъ была женщина... Найдена сережка на мѣстѣ нападенія. Но сережка могла выпасть и изъ чемодана — ихъ тамъ было много... Что вы думаете обо всемъ этомъ, товарищъ Мендель?

Что думалъ Мендель, онъ не сказалъ. Сережка, найденная на мѣстѣ происшествія, могла пролить свѣтъ на всю драму...

Что бы тамъ ни было, но Настя не должна попасть въ ихъ руки. Это рѣшеніе какъ-то само собой выплыло и укрѣпилось въ душѣ Боруха-Менделя.

Онъ ровнымъ спокойнымъ голосомъ далъ

свои показанія о томъ, какимъ образомъ Гельфандъ увезъ драгоценности. О Настѣ, конечно, ни слова. И его не удивилъ вопросъ председателя:

— Кромѣ васъ и Тихомирова никто не зналъ объ этомъ?

— Никто. Тихомировъ даже не зналъ, что было въ чемоданѣ.

И хотя Мендель не глядѣлъ на присутствующихъ, но уловилъ странный взглядъ, которымъ обмѣнялись нѣкоторые изъ нихъ.

Значеніе этого взгляда онъ понялъ: въ немъ было недовѣріе.

— Значить только вы одинъ знали, товарищъ Мендель, о поѣздкѣ товарища Гельфанда? — многозначительно спросилъ председатель?

— Не знаю...

На этомъ кончили допросъ. Мендель подписалъ протоколъ.

— Это мы должны направить въ угрозыскъ, — сказалъ Израилевичъ. — Вамъ, вѣроятно, придется давать и тамъ показанія, товарищъ Мендель.

— Хорошо, — согласился Мендель. — Пускай меня вызовутъ, когда нужно.

Онъ ушелъ. Другіе остались. Борухъ-Мендель зналъ, что будутъ говорить о немъ, будутъ высказывать свои подозрѣнія.

— Пускай...

Горькая улыбка скользнула по его губамъ.

— Пусть приходитъ конецъ... Сказка жиа-

ни все равно кончилась... Нѣтъ и не будетъ дворцовъ для дѣтей, не будетъ мира для измученныхъ голодомъ людей... И нѣтъ уже любви.

Это Борухъ-Мендель ощутилъ вдругъ. Любовь отошла — громадная, прекрасная, она была уже въ сторонѣ. Лужа крови нагло вхлестнулась между нимъ и Настей... И любовь отошла сверкающей и незапятнанной.

Нужно было сохранить ее такой.

XX.

Въ этотъ день онъ съ Настей не говорилъ о любви.

Изъ совѣта онъ пришелъ домой съ определеннымъ и твердымъ рѣшеніемъ, внесшимъ ясность въ его мысли и тишину покоя въ душу.

Настя поняла, что въ ея Боренькѣ произошло перемѣна. Она прочла это въ его глазахъ, движеніяхъ и поступи. Ничего враждебнаго не уловила она въ немъ, но тревога проникла въ ея душу.

Она сидѣла въ будуарѣ и вертѣла въ рукахъ сережку — одну изъ той пары, что подарилъ ей несчастный Гельфандъ.

— А гдѣ вторая серьга, Настя? — спросилъ Борухъ-Мендель.

— Не знаю... Потеряла.

— Потеряла? Ну, такъ я скажу тебѣ, Настенька, что ее нашли, а гдѣ нашли — знаешь сама.

Она вадрогнула и поблѣднѣла.

— Нашли?

Онъ кивнулъ головой.

— Да. И ты понимаешь, что когда Гельфандъ получить возможность говорить, то...

Договаривать не было нужды. У Насти задрожали губы.

— Я... я понимаю, Али... Ахъ, какая я дура! Надѣть солдатскую форму и забыть вынуть эти проклятыя серьги... Ахъ, дура, дура подлая!

Онъ съ изумленіемъ поглядѣлъ на нее. Въ ней не было и признака сожалѣнія о случившемся. Она негодовала на себя за промахъ!

— Настя, — прервалъ онъ ее почти строго, — и тебѣ не жаль Гельфанда, не жаль челоуѣческой жизни?

Она почти съ недоумѣніемъ взглянула на него.

— А чего мнѣ жалѣть? Не я палила въ него, не мнѣ и каяться... Ты подумай самъ, что изъ-за этой серьги можно къ стѣнкѣ попасть!

— Можно, — серьезно согласился Борухъ-Мендель.

Она вскочила.

— Да, но только Настя твоя не изъ такихъ, которыя попадаютъ къ стѣнкѣ, Боренька... Пускай они стрѣляютъ другихъ, что попроще...

— Что ты думаешь дѣлать?

— Что? Ахъ, какой ты глупый, право. Конечно, нужно винта нарѣзать.

— Бѣжать?

— А то сидѣть здѣсь, что-ли? Нѣтъ, Боренька, мы соберемъ манатки и сейчасъ же отсюда лататы. У Невзорова все готово и ли-теры есть. Махнемъ на Украину, Боренька... Съ такими капиталами, что у насъ, не только втроемъ, а и вдесятеромъ проживемъ.

Борухъ-Мендель покачалъ головой.

— Нѣтъ, Настенька, я не поѣду.

Она почти остолбенѣла.

— Ты не поѣдешь? А что же ты будешь дѣлать?

— Не знаю. Я останусь здѣсь, Настенька. Что же? Меня не тронуть...

Онъ лгалъ, и она прекрасно понимала, что онъ сознаетъ всю тяжесть отвѣтственности, лежащую на него.

— Нѣтъ, ты совсѣмъ глупъ, Боренька, и тебя не убѣдишь. Но я-то не хочу лѣзть въ капканъ. Понимаешь?

Онъ понималъ. Онъ съ грустью видѣлъ, что опасность отрывала ее отъ него. Она думала о себѣ, она не хотѣла рисковать жизнью, когда эта жизнь улыбалась ей изъ свободной дали.

— Да, уѣзжай, Настенька, — вздохнулъ онъ, — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Говорить больше онъ не могъ и ушелъ въ кабинетъ. Тамъ сидѣлъ не зажигая свѣта, опустивъ голову на ладони.

Прошелъ часъ, а можетъ быть два...

Вошла Настя.

Она была одѣта въ скромный нарядъ гор-

ничной съ пуховымъ платочкомъ, повязаннымъ на головѣ. Въ этомъ костюмѣ Настя могла сойти за фабричную дѣвушку, немного нарядившуюся для прогулки. Въ рукахъ у нея былъ саквояжъ, а черезъ плечо висѣла сумочка.

— Вотъ что, Али, милый, — сказала она. — Мнѣ нужно сейчасъ же смыться... Остаться здѣсь нельзя... Хочешь, идемъ вмѣстѣ? Нѣтъ... Ну, тогда я позвоню тебѣ... Можетъ быть ты передумаешь?

Борухъ-Мендель отрицательно покачалъ головой.

Она зажгла свѣтъ, подошла къ нему и, поднявъ его голову, заглянула въ лицо.

Долгій взглядъ. Въ немъ было много чувства, много нѣжности, и сквозь все это тоскливо свѣтилась печаль сожалѣнія.

— Прощай, Али... Прощай, мой милый...

Губы ея прильнули къ его губамъ. Онъ отвѣтилъ на поцѣлуй, но это былъ тихій поцѣлуй ласки, поцѣлуй отца или брата, но не поцѣлуй любовника...

И это точно облегчило ее. Она выпрямилась уже спокойная...

— Прощай...

И ушла. Борухъ-Мендель съ напряженіемъ прислушивался къ ея шагамъ, прозвучавшимъ въ передней... Потомъ хлопнула дверь, и щелкнулъ автоматическій замок...

Тишина...

Тишина пустоты и смерти...

.

XXI.

Кажется, ничего не измѣнилось...

Борухъ-Мендель какъ и всегда сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ въ совѣтѣ и какъ всегда груды бумагъ лежали передъ нимъ.

Только измѣнилось лицо Боруха-Менделя.

Въ глазахъ потухло сіяніе счастья — пѣсня любви отзвучала въ душѣ. Вмѣсто нея — реквиемъ.

И въ глазахъ потухли огни жизни. Темная пустота глядѣлась изъ нихъ...

Онъ тупо смотрѣлъ на бумаги на столѣ и думалъ о пустотѣ, о томъ, что вѣчное безстѣнное поглощаетъ все.

Пуста и безцѣльна была его работа. Дѣтскіе дворцы расползлись и исчезли, какъ миражъ. Вмѣсто красиваго поколѣнія новыхъ людей — толпы полуголодныхъ подростковъ, впитывающихъ въ душу всю грязь и мерзость окружающаго. Что выйдетъ изъ нихъ? Матеріаль для каторгъ будущаго, пища палачамъ?

А Настя?

Безъ горечи думалъ онъ о ней, съ нѣжностью и теплотой, какъ думаютъ объ умершемъ близкомъ и дорогомъ.

Путь Настинъ не конченъ. Она по своему распорядилась событіями, по своему рѣшила вопросъ дальнѣйшей жизни. У грабителей отняла то, что даетъ ей возможность пользоваться мишурой жизни...

— Помоги ей Богъ...

Онъ началъ ходить взадъ и впередъ по

кабинету... Онъ ждалъ неизбежнаго, тяжесть ожиданія давила его. Скорѣе бы приходило это неизбежное, тогда можно спокойно вздохнуть.

Въ сосѣдней комнатѣ женщина съ птичьимъ лицомъ говорила Панкиной полупропотомъ съ выраженіемъ неподдѣльнаго ужаса на лицѣ:

— Я узнала сережку... Такую я видѣла въ ухахъ этой... этой... съ которой живетъ нашъ комиссаръ. Я сказала объ этомъ, но мнѣ почти не повѣрили... А я думаю, товарищъ Панкина, моя революціонная совѣсть мнѣ подсказываетъ, что нашъ комиссаръ — бѣлый бандитъ... Вы увидите.

Въ это время въ комнату вошелъ человекъ въ кожаной курткѣ и съ винтовкой.

— Комиссаръ Мендель у [себя? — спросилъ онъ.

Женщины многозначительно переглянулись. Тешихина поспѣшила открыть дверь кабинета.

— Да, у себя, — сказала она.

Человѣкъ съ винтовкой увидѣлъ Боруха-Менделя, остановился и сказалъ:

— Товарищъ Мендель, мнѣ приказано доставить васъ въ политотдѣлъ. Слѣдуйте впередъ...

Тяжесть упала съ души Боруха-Менделя. Снова огоньки затеплились въ глазахъ, и онъ по-дѣтски радостно улыбнулся человѣку съ винтовкой.

— Я готовъ, идемъ.

Онъ прошелъ въ сопровожденіи конвоира

черезъ комнаты отдѣла, въ которыхъ власть его была почти неограничена. Испуганныя, недоумѣвающія лица служащихъ въ послѣдній разъ скользнули передъ нимъ.

Онъ шелъ улыбающійся и довольный, какъ человѣкъ, которому осталось сдѣлать всего нѣсколько шаговъ, чтобы закончить утомительный, тяжелый путь.

И онъ видѣлъ этотъ конецъ за глупой и нелѣпой процедурой молніеноснаго слѣдствія и пародіи суда — четыре круглыхъ темныхъ пустыхъ глаза солдатскихъ винтовокъ...

К о н е ц ъ.

Штук для Литовы 2 литы

